

Дмитрий Данилов

Дом десять

Повесть и рассказы

УДК 343.13/14 (075)
ББК 67.629.14 (я7)
К 56

Дмитрий Данилов

Дома десять. Повесть, рассказы. Москва, 2005. - 96 с.

ISBN 5-93035-070-1

© Д. Данилов, 2005

АВТОР БЛАГОДАРИТ

московские районы Тушино, Сокольники, ВДНХ, поселок Новобратцевский, улицы Туристская, Героев-Панфиловцев, Сходненская, Свободы, Саломеи Нерис, Вишневая, Матросская Тишина, Стромынка, Бориса Галушкина, Московскую Кольцевую Автомобильную Дорогу, бульвар Яна Райниса, проспект Мира, Ходынское поле, стадион «Динамо», города Химки и Солнечногорск Московской области,

а также

Дмитрия Александрова,
Максима Белозора,
Владимира Богомякова,
Антон Ботева,
Данилу Давыдова,
Дмитрия «Митрича» Дроздецкого,
Ирину Дудину,
Всеволода Емелина,
Александра Краснова,
Павла Круга,
Евгения Лесина,
Германа Лукомникова,
Георгия Манаева,
Мирослава Немирова,
Гузель Немирову,
Владимира Нескажу,
Владимира Никритина,
Виктора Перельмана,
Андрея Родионова,
Михаила Сапего,
Софрония,
Данила Файзова,
Михаила Харитонова,
Дмитрия Шагина,
Юдика Шермана,

без которых не было бы этой книги.

Торжество продуктивного аутизма

ЧИТАЮЩАЯ ПУБЛИКА, а таковая, как ни крути, все-таки не вполне еще перевелась, узнала о прозаике Дмитрие Данилове сравнительно недавно, благодаря публикациям на сайте «Топос» (и в одноименном альманахе), благодаря акциям «Осумбеза», благодаря книге «Черный и зеленый» (СПб.: Красный матрос, 2004), содержащей повесть «Черный и зеленый». В повести рассказывалось, как лирический герой торгует вразнос черным и зеленым чаем. Точнее, на первый взгляд рассказывалось об этом, а на самом деле вовсе и не об этом.

Подозреваю, что такую инертную с виду, сугубо эмпирическую прозу, воздействующую на читателя чем-то неуловимым, мечтали писать очень многие. Но много званных, да мало избранных. Вспоминаются авторы французского «нового романа» (Саррот, Роб-Грийе, Симон, Бютор). Думается, впрочем, здесь близость скорее конвергентная, нежели генетическая. Да и сама эта близость, если присмотреться, не столь уж очевидна. «Новые романисты» демонстрируют выморочность, без-смысленность мира, Данилов же пишет о мире о-смысленном, несмотря на все тихое, подколенное, молчаливое безумие бытовой эмпирики.

В этом смысле корни прозы Данилова – в отечественной словесности. Опять-таки, не настаиваю на влиянии, говорю скорее о типологическом сближении. Из классиков модернизма на ум приходит Леонид Добычин («Наш директор любил все обставить торжественно. К «акту» в гимнастическом зале устроены были подмости. Над ними висела картина учителя чистописания и рисования Сеппа. На ней нарисо-

вано было, как дочь Иаира воскресла. Наш новый оркестр играл. Хор пел. Поднимались один за другим на ступеньки ученики попригожее, натренированные учителем словесности, и декламировали, и в числе их на подмостки был выпущен я»). Из старших современников – Анатолий Гаврилов («Посетил городской театр. Посмотрел пьесу о сталеварах. Хотел высказать артистам и режиссеру благодарность и некоторые замечания, но запутался за кулисами, оказался в каком-то захлавленном подвале, откуда был изгнан каким-то грубым мужиком»).

То, что было предвосхищено предшественниками, Даниловым доведено до кристаллической, прозрачной формы. Перечислительные ряды, нарочитые повторы, безоценочный (будто бы) взгляд, парадоксы, не кажущиеся таковыми, поскольку заложены в самой основе обыденности, ритм повествовательной речи, сообщающей факты и только факты. В сущности, эта проза – смертный приговор реализму. Какой реализм после такой прозы.

Можно сказать, что Дмитрий Данилов – самый яркий представитель постконцептуализма в новейшей русской прозе (а можно этого и не говорить). Есть еще «Фэст фуд» Сергея Соколовского и романы Максима Скворцова. Но там не до конца истреблен пафос. А здесь: забалтывание, тотальная тавтологичность, параноидальное внимание к несущественному, метафизика, оставленная за бортом производимого. Но: абсолютная интимность, значимость, осмысленность каждой мелочи, «позитивность», как бы выразились представители продвинутой молодежи, общего повествовательного настроения. Сюжет жизни не важен. Важны осколки восприятия, мимолетные сигналы окружающего мира. Важен продуктивный аутизм.

В этой прозе есть люди и вещи, но они, в сущности, не важны, не принципиальны (люди в большей степени, вещи – в меньшей). Принципиальны движения, перемещения, телесные и речевые реакции. Иначе говоря, в основе прозы Данилова – не объект-субъект, но объектно-субъектные отношения. Что не отменяет абсолютной явленности и субъекта, и объекта.

Эта книга содержит три текста. Первый – повесть «Дом десять», повестью названная, впрочем, скорее по причинам объема, нежели жанровым. Это будто бы мемуары, но на деле не мемуары вовсе. Скорее – путеводитель по Тушину времен детства повествователя. Или –

каталог особенностей подросткового быта эпохи позднего совка. Можно было бы назвать этот текст: «Записки картографа», картографа пространственно-временных функций. А все прочее – от лукавого: «Можно было бы, конечно, написать «о взаимоотношениях», «о ребятах», но это совершенно не нужно, какая сейчас разница, кто с кем дружил и кто с кем дрался, это было так давно, что можно сказать, что и не было вовсе, это все ушло навсегда и совершенно неинтересно...»

Проза Данилова чрезвычайно остроумна, причем это особый, очень тонкий тип остроумия, неуловимый, что называется «английский», то есть построенный на совершенно серьезном выражении физиономии остроумца.

Второй текст в этой книге называется «День или часть дня». Данилов решает здесь, по сути дела, непосильную задачу: показать день («или часть дня») человека со всеми незамечаемыми, выносимыми обыкновенно за скобки подробностями, бессмысленными и беспощадными. Между прочим, нечто подобное пытался в свое время написать Лев Толстой, но у него, в отличие от Данилова, не вышло. Потому что голова кружится от сладкого ужаса мелочной действительности: «Мы видим цепочку событий, мелких и несущественных, непрерывную цепочку, одно событие за другим, одно перетекает в другое, маленькие суетливые события, и между ними никаких промежутков, сплошное полотно или конвейер или эскалатор, нет никакого зазора между событиями, сплошное тихое медленное время, состоящее из событий; события происходят со стенами, домами, стульями, лампочками, ложками, деревьями, машинами, городом, человеком, вот он, человек, мы его заметили и теперь уже не упустим из виду...»

При всем своем остроумии, проза Данилова чрезвычайно лирична. Лиризм этих текстов не надрывен и не стоичен, он близок к тихому умилению: «Проникся какой-то странной жалостливой симпатией к «Динамо» – к этой неуклюжей, нелепой команде со славным прошлым, играющей на таком красивом стадионе с бело-голубыми трибунами. Подумалось, что когда выигрывает какой-нибудь «Спартак» или киевское «Динамо», в этом нет ничего необычного, это в порядке вещей, и радоваться таким победам бессмысленно. А когда выигрывает убогое «Динамо» (Москва) – это редкость, редкая радость, удивительное, в сущности, событие...»

Третий текст в книге – «Дом-музей». Можно сказать, что это своеобразный ответ Сорокину. Там, где у Сорокина нормативное повествование обрывается в истерику ненормативности, будь то каннибализм, содомия, копрофагия, немотивированная агрессия, у Данилова наличествует лишь ожидание чего-то такого. Вот-вот обрыв произойдет, но нет, не происходит. Еще одно торжество иронико-лирического гиперреализма: «Софья Арнольдовна неожиданно могуче размахнулась и заехала Мелентьеву тряпкой по морде. Тряпка была мокрая и пахла половой тряпкой, и у Мелентьева на лице осталось множество мельчайших и относительно крупных частиц мусора и волосинок.

Мелентьев сел на стул. Немли Петровна: а давайте все-таки чайку? Смотрите, дождь, холодно. Надо на дорожку согреться. Софья Арнольдовна села на стул.

– Молодой человек, вы уж на меня не сердитесь, это я так. Такой уж характер. Поздно уже меняться-то. А вы, я вижу, человек порядочный. Я очень рада, что сюда приходят такие молодые люди, как вы. Не сердитесь, голубчик. Дома умоетесь, ничего. Не обижайтесь на старуху...»

Поразительным образом, эти повествования «ни о чем» захватывают и зачаровывают читателя куда сильнее, нежели авантурная, детективная или фантастическая интрига. Разгадка, быть может, в совершеннейшем погружении, растворении, узнавании и одновременном отстранении реципиента от повествовательских «я» или «он», – но не только...

Нас часто путают с Дмитрием Даниловым, потому что мы оба толстые, с бородами, и зовемся мы похоже. Знаете, мне это лестно.

Данила Давыдов

Дом десять

повесть

ЧАСТЬ ЖИЗНИ ПРОШЛА В ТУШИНО. Часть детства прошла в Тушино. Довольно большие отрезки времени проведены в Тушино. На Туристской улице дом десять. Там жила бабушка.

Семидесятые годы, восьмидесятые годы. Семидесятые годы и первая половина восьмидесятых годов.

Проводил там выходные дни, каникулы. Что-то вроде дачи или деревни, потому что ни дачи, ни деревни не было, и для этих целей использовалось Тушино.

В Тушино было много деревенского. В Тушино были настоящие деревни. Петрово. Алешкино. Захарково.

Если выйти на балкон, немного высунуться наружу и посмотреть направо, можно было увидеть деревню Петрово. Простые деревенские избы. Сельское хозяйство. На Туристской улице – современные панельные дома, а за ней – деревня Петрово.

Деревня Захарково располагалась возле Универсама. Огромный универсам на улице Свободы, в том месте, где к ней примыкает Хим-

кинский бульвар. Его так и называли – Универсам. Достаточно было произнести это слово – и все понимали, что имеется в виду именно этот универсам, а не какой-нибудь другой.

Универсам сохранился по сию пору. На нем большая надпись – Универсам.

Деревня Захарково располагалась возле Универсама, между улицей Свободы и Химкинским водохранилищем. Туда ходили купаться. Пройти по дороге между деревянными домиками и купаться.

По поверхности Химкинского водохранилища плавают всякие ошметки, мусор. Купаешься – а рядом качаются на волнах ошметки.

Деревня Захарково располагалась на берегу Химкинского водохранилища. Там была устроена пристань. Пристань называлась Захарково. От пристани Захарково до Речного вокзала ходило маленькое суденышко. Даже паромом его нельзя было назвать. Просто суденышко. Можно даже сказать – кораблик. Но это будет некорректно. Корабль может быть только военным, и кораблик – это маленький военный корабль, а водное транспортное средство гражданского назначения называется судно. Значит, суденышко.

Суденышко ходило от пристани Захарково до Речного вокзала. Речной вокзал – прекрасное серое здание. Суденышко преодолевало расстояние от Захарково до Речного вокзала минут за десять. Потом обратно. Потом туда. Потом обратно. Можно было целый день кататься на суденышке. Этот процесс был приятен.

Зимой, чтобы попасть из Тушино в район Речного вокзала, люди ходили по льду. Это быстрее, чем ждать 199 автобус, которого надо было сначала дождаться, потом он ехал по бульвару Яна Райниса, по улице Героев Панфиловцев, по улице Фомичевой, по улице Свободы, по Московской кольцевой автомобильной дороге, по Ленинградскому шоссе, по Беломорской улице, по Смольной улице, по фести-

вальной улице, а так – сразу, по прямой, или, как некоторые говорят, «напрямки», по льду, по снегу, и вот ты уже на Речном вокзале, у обледенелых бездействующих причалов.

199 автобус – любимый маршрут. В дальнюю даль, за пределы Тушино. Любил на нем кататься. Просто так. Завораживающе. Сесть на сиденье у кабины водителя, такое есть сиденье в автобусах ЛиАЗ, рассчитанное на трех пассажиров, сидишь боком к окну, смотришь вперед, кайф, просто кайф, сначала бульвар Яна Райниса, потом улица Героев Панфиловцев, улица Фомичевой, между серых домиков, потом улица Свободы, она действительно довольно-таки свободная, широкая, слева серые дома, девятиэтажные и пятиэтажные, справа Химкинское водохранилище, простор, потом Московская кольцевая автомобильная дорога, это уже не улица, а настоящее шоссе, уже тогда были примитивные развязки для съезда с прилегающих улиц на Московскую кольцевую автомобильную дорогу и обратно, указатели Ленинград, Дмитров, Шереметьево, дорога, дорога, автобус разогнался, очень, очень здорово, потом сворачивал на Ленинградское шоссе, еще не было пробок, как сейчас, и автобус деловито ехал по мосту через Канал имени Москвы, прекрасный вид, баржи, краны, горы песка и щебня, вдали маячит временно покинутое Тушино, Ленинградское шоссе широкое, парадные ворота города, красота, потом начинаются серые невзрачные улицы, Беломорская, Смольная, Фестивальная, здесь уже конечная, метро Речной вокзал, автобус стоял на конечной, но недолго, все выходили, а водитель спрашивал а ты что, тебе куда, да я просто так, можно я подожду, что, катаешься, да, просто так, можно, а билет есть, есть, вот, ладно, сиди, шас поедем, что, интересно кататься, да, интересно, хороший маршрут, ладно, шас поедем, и потом обратно, по Ленинградскому шоссе и так далее, не обязательно опять перечислять все улицы, по которым идет 199 автобус, сколько можно.

Автобусный билет стоил 5 копеек. Троллейбусный – 4 копейки. Трамвайный – 3 копейки. Автобусный – синий, троллейбусный – черный, трамвайный – красный. Кассы были устроены в расчете на сознательность пользователей. Надо было опустить в шель монету

или несколько монет, например, 2 коп. + 1 коп. + 1 коп. + 1 коп. или 3 коп. + 2 коп. или другие комбинации, и потом оторвать билет. Причем, отрывание билета технически никак не было связано с опусканием монет. Можно было кинуть, скажем, не 2 коп. + 1 коп. + 1 коп. + 1 коп., а 1 коп. + 1 коп. + 1 коп., или даже 1 коп. + 1 коп. Никто же считать не будет. Главное, чтобы была как бы горсть монет. Потому что если одну копеечку кинуть, то какой-нибудь ворчливый пенсионер обязательно заметит и поднимет вой и будет мерзко ругаться. А так кинул несколько монеток – и оторвал билет. Можно было оторвать билет вообще без денег. Правда, если рядом стояли ворчливые пенсионеры или просто люди и видели, что мальчишка отрывает билет бесплатно, они обычно поднимали

вой, стыдили, заставляли платить, чуть не линчевали, звали водителя, а если стайка нахальных подростков с магнитофоном делала так, то никто ничего не замечал, и водителя не звали. А если какой-нибудь ворчливый пенсионер, например, ветеран войны или ветеран органов внутренних дел к ним все-таки начинал докапываться, они ему просто грубо отвечали, дед, не лезь, не нарывайся, не твое дело, или просто по морде ему давали, была очень высокая подростковая преступность, а нефига лезть куда не просят, козел старый. А вот если людей рядом не было, то можно было оторвать билет бесплатно. Однажды сел в 199 автобус с целью совершить неутилитарное путешествие к Речному вокзалу. Улу-

чил момент, оторвал билет без денег. Денег потому что не было, или просто жалко, деньги можно на что-нибудь другое истратить, например, добавить еще 2 коп. и купить розовое фруктовое мороженое в стаканчике, оно стоило всего 7 коп. и было приятно и вкусно его есть. Доехали до конечной, все вышли. Водитель: что, дальше поедешь? Да. Катаешься? Да. А билет есть? Вот. А деньги в кассу кинул? Да. Ну, смотри, если не кинул – убью. Не убил. Собственно, как он мог проверить, кинул деньги или не кинул, просто, как это сейчас говорят, дешевые понты, но все равно как-то немного неприятно было, хотя фигня, конечно, водитель сказал ну ладно, катайся, сел в кабину, открылись двери, вошли пассажиры, двери закрылись, и 199 автобус поехал по 199 маршруту, самому интересному маршруту в Тушино.

Деревня Алешкино находилась там, где сейчас метро Планерная. Алешкино – это была конечная остановка почти всех тушинских автобусов. Так и было написано: 96 Алешкино – ст. Тушино или 102 Алешкино – метро Сокол. Потом построили метро Планерная и перенесли конечную остановку туда. А от старой конечной остановки осталось большое пустое заасфальтированное место, которое по традиции называется Алешкино.

Кстати, 102 автобус теперь ходит не до метро Сокол, а до станции Тушино. Туповатый маршрут, по улице Свободы с Севера на Юг и обратно. А 96 так и ходит от Планерной до станции Тушино.

Дом десять – длинный, серо-белый, девятиэтажный. Двенадцать подъездов. Посередине арка.

С одной стороны дома десять – заросли, так называемые зеленые насаждения. Деревья сильно разрослись, закрывают половину фасада. Это фактически маленький лес, между деревьями петляют тропинки. В одном месте среди деревьев стоял огромный камень, словно бы некий монумент неизвестному погибшему существу. Около камня Пили. Очень удобно было поставить на камень бутылки, расстелить газету, разложить закуску. Пили, орали и дрались. Простран-

ство вокруг камня было густо усеяно битыми бутылками, пивными и водочными пробками, окурками и другой антропогенной грязью.

С другой стороны, там, где подъезды, вдоль дома десять тянулась асфальтированная дорога. Вся она была уставлена машинами, оставался узкий проезд. Уже тогда у населения было довольно много личных автомобилей, не так много, как сейчас, конечно, но все-таки достаточно, чтобы уставить ими асфальтовую дорогу, тянувшуюся вдоль дома десять. Старые москвичи 412, 408, 407, а иногда даже 403 и 401. Жигули 2101, 2102, 2103. Волги 21 и 24. Ушастые за-порожцы.

У запорожца мотор располагается сзади. У остальных машин – спереди.

Да, еще у автомобиля фольксваген-жук мотор располагается сзади. Это редкая компоновка.

Интересно было заглядывать в салоны машин через стекло. Машины пахли бензи-

ном. Однажды один парень объяснил, смотри, вот сцепление, вот газ и тормоз, а этот рычаг – чтобы скорости переключать. Нажимаешь сцепление, рычаг вот так вот – раз, влево и вперед, и потом одновременно отпускаешь сцепление и нажимаешь на газ. Через много лет правильность этих инструкций была подтверждена на практике.

Сразу за дорогой начиналось поросшее травой место, которое называлось двор. Во дворе играли.

Было принято играть и вообще находиться только в той части двора, которая непосредственно примыкает к твоему подъезду и нескольким соседним. В другие зоны двора ходить не рекомендовалось. В других зонах можно было получить по морде.

Песочница. В песочнице песок. Примерно раз в год приезжал самосвал с песком и вываливал кучу песка в песочницу. Песочница фактически оказывалась погребенной под горой песка. Песок новый, чистый, приятный. Постепенно, в процессе совершения с ним различных игровых и символических манипуляций, песок становился грязным и неприятным. Его количество постепенно уменьшалось. Проходило лето, и уже не было никакой горы песка, а была просто песочница, и в ней немного песка. Куда он девался – неизвестно. Его же никто не носил к себе домой, не переносил с места на место, не набивал им карманы и не ел. Однако песок постепенно исчезал. Потом опять приезжал самосвал и вываливал кучу песка, нового, чистого и приятного.

Качели. Небольшие убогие качели. Аппарат для падений и получения травм различной степени тяжести.

Существовал вид спорта – прыжки с качелей в длину. Сильно раскачаться и прыгнуть как можно дальше. На земле отмечалось место, до которого допрыгнул участник соревнований, потом прыгали другие, и выявлялся победитель.

При помощи этих соревнований можно было себе что-нибудь сломать. Это иногда случалось. Но насмерть, кажется, никто не разбился. Вроде бы.

Между песочницей и качелями – деревянная конструкция из двух столбов и перекладины сверху. Конструкция предназначалась для выбивания ковров (тогда был ковровый бум), но на практике чаще всего использовалась в качестве футбольных ворот.

Метра два с половиной в ширину и примерно метр семьдесят в высоту.

Поскольку вторых ворот не было, играли в игру «каждый за себя».

Правила игры в «каждый за себя» таковы. Минимальное количество играющих – три, максимальное не ограничено. Один из игроков стоит в воротах, другие играют в поле. Вратарь старается не пропустить, игроки в поле – забить. Игрок, забивший гол, становится в ворота, а пропустивший гол вратарь идет играть в поле. Если против кого-либо из полевых игроков нарушаются правила, он бьет пенальти метров с пяти. Игра ведется до тех пор, пока один из игроков не забьет заранее определенное количество голов, обычно десять.

Игра «каждый за себя» способствовала развитию индивидуальной футбольной техники. В плане совершенствования командной игры и тактических навыков игра «каждый за себя» была абсолютно бесполезна.

Иногда играли по семь, по восемь человек. Столпотворение. А иногда набиралось всего три человека, и это было не очень интересно.

Игровое поле представляло собой просто участок земли, неровный, покрытый травой с проплешинами. Попадались стекла, камешки. Иногда это приводило к травмам.

За футбольными воротами для выбивания ковров располагался забор, отделяющий двор от территории детского сада. Забор бетонный, совсем низенький, меньше метра в высоту. Со временем, когда территорию детского сада стала вечерами оккупировать пьянствующая молодежь, низенький забор нарастили сеткой «рабица». Но через нее все

равно можно было достаточно легко перелезть. Пьянство в детском саду не прекратилось, а, пожалуй, усилилось. Летними вечерами там разворачивалось просто дикое пьянство. Подростки, мужики, девки, бабы, песни, гитарное побрякивание, звон разбивающихся бутылок, звуки соприкосновения кулаков и лиц, крики о помощи, вой отчаяния.

Грязно-белый двухэтажный детский сад имел форму мавзолея Ленина, сильно вытянутого по горизонтали. Он был сделан из белых бетонных блоков. Швы между блоками были замазаны какой-то омерзительной серой массой. Поперек фасада струилась трещина, которую тоже периодически замазывали какой-то омерзительной серой массой.

Днем в детском саду мучались дети, а вечером и ночью пили, любили и убивали друг друга взрослые.

Иногда после сильных и неточных ударов мяч улетал на территорию детского сада. Игрок, произведший удар, отправлялся перелезть через сетку «рабица» или протискиваться через ближайшую прореху в заборе.

Чуть в стороне от территории детского сада располагался большой бетонный сарай. Иногда хмурые рабочие открывали железную

дверь сарая и доставали из его нутра какие-то железки. Если заглянуть за железную дверь сарая, внутри можно было увидеть лежащие там железки, которые, собственно, и доставали из недр сарая хмурые рабочие. Что потом они делали с этими железками – неизвестно.

У глухой стены сарая стоял дощатый стол и две скамейки. За этим столом всегда (кроме зимних месяцев), с утра до позднего вечера, сидели мужики и играли в домино. Они играли часами, не вставая из-за стола, наливая в стаканы водку и пиво. Их игру всегда сопровождало включенное на полную громкость радио.

Однажды это радио сообщило, что на космодроме Байконур был успешно осуществлен запуск космического корабля «Союз-31» с космонавтами на борту. Сообщение не произвело никакого впечатления на слушателей. Фамилии космонавтов стерлись из памяти навечно, навсегда.

Иногда мужики кричали. Бывали конфликты. Слегка дрались. Иногда восклицали «рыба». Как в кино: шмяк по столу доминошной костяшкой, и сообщение: «рыба».

Здесь играли в «каждый за себя», а там в домино.

Недалеко от доминошного стола располагалась маленькая асфальтовая площадка. На ней тоже играли в футбол. По краям площадки были установлены железные столбы с горизонтальными перекладинами. Между ними были натянуты веревки для сушки белья. В те годы еще было принято сушить белье на улице. Вернее, не то что бы было принято, просто некоторые люди делали так, хотя это довольно странно – сушить белье на улице.

Железные столбы с перекладинами располагались настолько удачно и мудро, что здесь можно было играть в футбол двумя командами – было двое ворот. Правда, площадка была совсем маленькая, и имело смысл играть только двое на двое или, максимум, трое на трое.

Так и играли – двое на двое. Или трое на трое.

Еще на этой площадке играли в игру «два касания». Правила игры «два касания» таковы. Количество играющих – как правило, два. Один против другого. Возможна также игра двое на двое, трое на трое и так далее. Но наиболее распространенный вариант – один на один. В процессе игры каждый играющий может коснуться мяча только два раза подряд. Вторым касанием он обязан переправить мяч на половину поля соперника. Игрок имеет право находиться только на своей половине поля. Пересекать среднюю линию нельзя. Если после двух касаний игрока мяч не переходит на чужую половину поля, соперник получает право пробить пенальти с центра поля. Играть руками можно, только находясь непосредственно в воротах. Побеждает игрок, забивший больше голов.

Есть несколько вариантов игры. Например, при игре на хоккейных коробках с маленькими воротами обычно запрещено играть руками, даже защищая ворота. Пенальти иногда бьют по пустым воротам, но мяч должен обязательно влететь в ворота, не касаясь перед этим поверхности поля. Если мяч вкатывается в ворота, гол с пенальти не засчитывается.

Это очень интересная игра, непонятно, почему она не получила должного распространения. Почему не проводятся чемпионаты мира, Европы. Красивая, зрелищная игра, гораздо лучше тенниса.

Играли самыми разными мячами. Но почти никогда – настоящими футбольными. Настоящий футбольный мяч стоил дорого и был редкостью. Чаше всего играли пластмассовыми волейбольными мячами, очень легкими, улетающими в небеса. После нескольких дней интенсивного использования такой мяч трескался, частично сдувался, терял в размерах, но все равно им еще долго играли, маленьким, жалким, бесформенным.

У паренька Кольки был большой толстый тяжелый резиновый мяч. Иногда играли им. Он был очень тяжел, вратарям было трудно и больно отбивать его.

Иногда играли даже совсем маленькими мячами, детскими резиновыми мячиками размером с теннисный. Это способствовало отработке техники.

До лета 1978 года вообще не интересовался футболом. Не понимал, что в этом интересного. И никогда не играл. И не смотрел, как другие играют, чего там смотреть-то. Зато с удовольствием играл в ножички, в машинки.

Однажды летом 1978 года ребята играли в футбол на маленькой асфальтированной площадке рядом с доминошным столом. По какой-то случайности оказался рядом. Стоял, смотрел.

Вдруг как тумблер какой-то в голове шелкнул – футбол стал интересен. В одно мгновение. Сразу вступил в игру, пытался бить по

мячу. Поначалу получалось, конечно, плохо. Потом более или менее научился.

В тот же день впервые смотрел футбол по телевизору. Тогда как раз шел чемпионат мира по футболу в Аргентине. Успел посмотреть несколько игр, в том числе финал. Аргентинцы выиграли у голландцев 3:1 и стали чемпионами мира. У голландского вратаря была совершенно дикая физиономия. Зрители постоянно бросали на поле бумажные ленты, картонные тарелочки, и все поле по краям было завалено бумажным мусором.

В Аргентине тогда свирепствовала диктатура, и победа аргентинской сборной была ей (диктатуре) полезна с точки зрения пиара.

Поражало, насколько точно футболисты делают передачи. Точно в ноги. С большого расстояния. В дворовом футболе такого не было, и больших расстояний не было, да и самой игры в пас, потому что играли, в основном, в «каждый за себя» и в «два касания».

В те годы футбол был не таким, как сейчас. Играли медленно. Подолгу разыгрывали мяч. Большинство передач делалось в ноги, а не на ход, как сейчас.

Когда чемпионат мира закончился, стал смотреть по телевизору игры чемпионата СССР. Было неважно, кто победит. Радость приносили забитые голы, кто бы их ни забивал. Чем больше голов, тем лучше. Другие ребята болели за разные команды, в основном, за «Спартак», московское (редко киевское) «Динамо» или ЦСКА. Было непонятно, что это такое, как это так – болеть. Болеть за сборную СССР – это было понятно. Потому что наша страна. Пытался во время телетрансляций болеть за московские команды – никакого эффекта. Получалось как-то от ума, а какое же это боление, если оно от ума.

Так продолжалось до лета 1983 года. Паренек Вовка, крайний защитник из футбольной школы «Динамо», сказал: пошли на футбол,

ты же ни разу не был, надо же на стадионе побывать, да, действительно, давай ходим. Предстояла игра «Динамо» – «Нистру» в рамках чемпионата СССР на стадионе «Динамо». Накануне поехали за билетами. Огромный серый (снаружи) стадион. Угрюмо-величественный. В кассах – никого. Купили билеты на завтра, а потом пошли на игру дублеров.

Игра дублеров проходила на Ходынке, на полузаброшенном поле за аэродромом. Пробирались туда какими-то закоулками, пролезали в щели в заборах, шли краем огромного Ходынского поля мимо ангаров, сараев и других служебных построек неизвестного назначения.

Ходынское поле – прекрасно. Огромный заброшенный аэродром, гигантское пустое пространство посреди города. По краям – живописные полуразвалившиеся строения. Сейчас его застраивают многоэтажными элитными жилыми домами и торговыми комплексами. Это очень плохо.

Наконец, добрались до футбольного поля посреди деревьев и гаражей. Вдоль поля – пара длинных скамеек. Народу – человек сто. Футбольные специалисты, родственники футболистов, болельщиков совсем немного.

Дублеры «Динамо» легко выиграли у дублеров «Нистру» со счетом 3:0. В одном из эпизодов сбили молдавского футболиста, он страшно закричал, и был слышен хруст ломающейся кости.

На следующий день опять поехали на стадион «Динамо», на игру основных составов. Внутри стадион оказался очень красив: огромное пространство, ярко-зеленое поле, коричневые беговые дорожки, расчерченные яркими белыми линиями, трибуны, выкрашенные в бело-голубые динамовские цвета. Было приятно просто сидеть там.

На поле выбежали футболисты обеих команд и начали разминаться. Вальяжно перебрасывались мячом, несильно били по воротам, совершали небольшие пробежки. Было приятно и интересно на них смотреть, не то что по телевизору. Сразу стало понятно, по-

чему считается, что футбол надо смотреть на стадионе, а не по телевизору.

Когда смотришь игру по телевизору, футбольное поле кажется гораздо большим, чем на самом деле. На самом деле оно не такое уж большое.

Футболисты закончили разминку, построились около своих скамеек и под звуки «Футбольного марша» организованно побежали к центру поля. Началась игра, и пошел дождь.

Футбольный марш написал Матвей Блантер.

«Нистру» был беспросветным аутсайдером чемпионата. За весь сезон команда набрала 10 очков (3 победы, 4 ничьи и 27 поражений) и благополучно вылетела из Высшей лиги. Считалось, что выиграть у «Нистру» – легко. Особенно такому великому (хотя и испытывающему некоторые затруднения) клубу, как московское «Динамо».

Пошел сильный дождь.

На трибунах собралось три с небольшим тысячи болельщиков.

«Динамо» било пенальти. Не забило. Вратарь отбил.

Потом «Нистру» бил пенальти. Забил.

Первый тайм так и закончился – 1:0 в пользу «Нистру».

«Динамо» играло очень плохо. Просто отвратительно. «Нистру» не лучше.

Во втором тайме «Динамо», в судорогах и муках, забило два гола и выиграло со счетом 2:1. Один гол забил Газзаев, он тогда еще играл.

Дождь, серое небо, голубые с белым трибуны, яркий свет прожекторов, зеленое поле, унылая нудная жалкая игра.

Как это было прекрасно.

Проникся какой-то странной жалостливой симпатией к «Динамо» – к этой неуклюжей, нелепой команде со славным прошлым, играющей на таком красивом стадионе с бело-голубыми трибунами. Подумалось, что когда выигрывает какой-нибудь «Спартак» или киевское «Динамо», в этом нет ничего необычного, это в порядке вещей, и радоваться таким победам бессмысленно. А когда выигрывает убогое «Динамо» (Москва) – это редкость, редкая радость, удивительное, в сущности, событие. И еще подумалось, что выгодно и хорошо быть болельщиком не очень сильной команды, потому что радость от ее побед никогда не приедается, ведь это так редко случается. И стал болеть за московское «Динамо».

Потом «Динамо» стало играть гораздо лучше, и постепенно, с годами, очарование убожества сошло на нет. Но все равно, все равно.

Поздними летними вечерами, когда темнело, в Тушино становилось тревожно. Это из-за зелени, распространившейся кругом. Не такая тревожность, какая возникает из социальных опасений (опасно идти, боязнь воров и бандитов), а другая, совершенно иррациональная. Эта тревожность невидимыми волнами распространяется от кустов, от крон деревьев, такую тревожность всегда чувствует городской житель вечером на природе, в воздухе витают сущности, связанные с кустами, лесом и природой, и становится не по себе, хочется сидеть в освещенной комнате, смотреть телевизор, лежать в постели, пить чай, смотреть телевизор, отгородиться цивилизацией от зловещей зеленой природы, потому что за окнами очень темно и тревожно.

А летними жаркими днями, когда никого нет во дворе и нечего делать, наступало ленивое оцепенение. Жарко, песок, деревья. Лето. Хотелось просто тупо стоять и не двигаться, или сидеть, или лежать, не двигаться и ничего не делать. Или сесть на качели и медленно, равномерно раскачиваться, долгими летними жаркими днями.

Жаркий летний день, воскресенье. Во дворе никого нет. Выглянул в окно, посмотрел налево, туда, где Туристская улица. Неподвижный жаркий воздух. Людей не видно. Среди вязкого летнего мороза по Туристской улице едет одинокий 96 автобус. 96 автобус плывет в летнем желто-голубом мареве, и больше ничего не слышно, только этот знакомый, впитавшийся в стенки черепа тянущий, ноющий звук, характерный для автобусов ЛиАЗ. Автобус скрывается за углом дома, и долго еще разносится эхо, долго еще слышен этот тянущий, вытягивающий жилы звук.

Приятно бывало летними утрами, когда уже тепло, но еще свежо, когда голубое небо, и зеленые деревья не так зловещи, как поздним вечером. Даже если никого нет во дворе, все равно выбегал во двор и ждал, и обычно кто-нибудь приходил, выбегали ребята, начиналось каждый за себя и два касания.

Туповатый, но добрый парень Колька. Туповатый и недобрый парень Сашка. Умный, хитрый и злой, но интересный парень Серега. Другой Серега, придурковатый, но простой и хороший. Слишком туповатый, и от этого недостаточно злой парень Игорь. Хороший и умный парень Вовка, крайний защитник из футбольной школы «Динамо».

Другие ребята, не очень злые, а некоторые добрые, туповатые, хорошие и умные.

Парень Андрюха, тоже интересующийся железной дорогой.

О, железная дорога.

Железная дорога была довольно далеко. Станция Тушино. Платформа Трикотажная.

Иногда ездили на станцию Тушино на 96 автобусе. По бульвару Яна Райниса, до Сходненской, потом по Химкинскому бульвару, мимо магазина «Мебель», мимо Универсама, по улице Свободы, через Восточный мост, потом направо и налево на Вишневую улицу, тихую и зеленую, на таких улицах живут персонажи писателя Ю. В. Мамлеева, тихая улочка с серовато-желтоватыми домишками, и за стенами этих домишек тихо творится неизвестно что, о чем страшно даже подумать.

От конечной остановки автобуса до станции Тушино нужно было еще пройти по Тушинской улице мимо Тушинского рынка. Это называлось колхозный рынок. Предполагалось, что колхозники, вырастив на приусадебных участках небольшой личный урожай, могли его продавать на колхозных рынках, и так, наверное, и было, хотя трудно с уверенностью сказать, были ли все эти бабы, старухи и мужики, торговавшие на рынке, колхозниками.

На станции Тушино было интересно. Просто интересно там находиться, интересно смотреть на пути, на стоящие на путях вагоны, на электрички, подъезжающие к платформе, а потом снова устремляющиеся

вдаль, в Павшино, Нахабино, Дедовск, Новоиерусалимскую, Волоколамск, Шаховскую. Завораживающее впечатление производили проносящиеся мимо грузовые и пассажирские поезда дальнего следования.

Когда мимо проходил грузовой поезд, все дрожало, платформа, земля дрожали, и люди слегка, еле заметно трепетали.

Интересно было забраться на пешеходный переход над путями и смотреть на пути. Наблюдать за маневровыми работами, за тем, как зеленый тепловоз ЧМЭЗ таскает туда-сюда грузовые вагоны и составляет из них небольшие составы.

Иногда садились в электричку и проезжали один перегон, до платформы Трикотажная. Это казалось великим путешествием. Звенящий звонком шлагбаум на пересечении со Сходненским тупиком, шестнадцатиэтажные дома на зеленом берегу Сходни, мост через Сходню, а рядом еще мост, для заводского подъездного пути, а слева тоже мост, для Волоколамского шоссе, серые промышленные здания, огромное, почти бесконечное здание неизвестного назначения вдоль Волоколамского шоссе, вдали – трубы теплостанции, красная кирпичная церковь, опять звенящий шлагбаум, платформа Трикотажная. И обратно – закрытый шлагбаум, мигающий красными фонарями и звенящий звонком, вереница машин перед шлагбаумом, красная кирпичная церковь, теплостанция, длинный дом на Волоколамке, унылые промышленные здания, мост через Сходню, новые дома на берегу Сходни, шлагбаум, станция Тушино.

Если идти от метро «Сходненская» по Сходненской улице на Юг, можно увидеть охраняемый железнодорожный переезд со шлагбаумом. Это однопутная ветка, соединяющая Тушинский машиностроительный завод со станцией Тушино.

На Тушинском машиностроительном заводе построили космический корабль «Буран». Сейчас там делают автобусы и еще что-то безобидное.

Иногда, изредка, шлагбаум опускался, звенел звонок и попеременно мигали два красных фонаря. Движение по Сходненской улице прекращалось, и мимо медленно проезжал зеленый маневровый тепловоз ЧМЭЗ, тянущий за собой несколько грузовых вагонов. После чего звонок переставал звенеть, фонари переставали мигать, шлагбаум поднимался, и жизнь продолжалась.

Однажды летом прошли вместе с Андрюхой по всей этой ветке, от ворот Тушинского машиностроительного завода до станции Тушино. Это было чрезвычайно интересно. Ветка проходит по тушинским промышленным закоулкам. Вокруг пустынно. Сереют заводские корпуса. Стоят покосившиеся бетонные заборы. Вдали маячат жилые дома. Стрелка, короткий ответвляющийся путь и тупик. Стрелка ручная. Было интересно рассматривать вблизи ее строение. Ручная стрелка должна запираться на специальный замок, ключ от которого хранится у стрелочника. А эта стрелка была не заперта, и любой желающий мог перевести ее и таким образом помешать работе Тушинского машиностроительного завода, а то и устроить небольшую аварию.

Иногда, тихими летними ночами, из дома десять было слышно, как по Рижской дороге идут поезда. А ведь это далеко, несколько километров, застроенных домами, заводами и другими рукотворными объектами. И все-таки было слышно, и по звуку можно было даже определить, пассажирский это поезд или грузовой, хотя, ночью ходили только грузовые, ведь электрички ночью не ходят, а пассажирских поездов на Рижском направлении очень мало, не больше четырех пар в сутки, два поезда в Ригу, два – в Великие Луки, и все они идут вечером или утром, так что ночью можно было слышать только тяжелый, монотонный, сотрясающий землю грохот грузовых поездов, медленно ползущих в сторону Волоколамска, Ржева или станции Подмосковная.

Звук далекого грузового поезда – очень приятный, хочется слышать его долго, хочется поехать куда-нибудь, хочется вдыхать запах вещества, которым пропитывают шпалы, хочется ехать и ехать, монотонно, далеко и бессмысленно.

Рядом с домом десять стояли (и до сих пор стоят) другие дома. Серые, девяти- и пятиэтажные. Все эти дома построили в 60-70-х годах XX века. В них давали отдельные квартиры людям, которые до этого жили в коммунальных квартирах в Центре, или которые приехали из других городов и деревень работать на московских предприятиях. Квартиры одно-, двух- и трехкомнатные, тесные и неудобные, с низкими потолками. Зато отдельные.

Дома стоят параллельно и перпендикулярно, с Севера на Юг и с Запада на Восток. Никаких косых углов, округлостей – все строго под прямыми углами.

Перпендикулярно дому десять стоит дом шесть корпус три по бульвару Яна Райниса. Тоже серый и девятиэтажный, как и дом десять, только немного покороче. Человеку, идущему по бульвару Яна Райниса в поисках дома шесть корпус три, можно почувствовать: он вряд ли найдет этот дом, слишком далеко он стоит от бульвара Яна Райниса.

Со стороны двора перпендикулярно дому десять стоят три пятиэтажных дома, серо-коричневых, угрюмых. А со стороны бульвара Яна Райниса, там, где «лес» – еще четыре дома, девятиэтажных, серых и тоже довольно угрюмых.

В последние годы в Тушино понастроили много новых домов, они не серые и не очень угрюмые и где-то

даже в чем-то «радуют глаз», а тогда, в 70-80-е годы XX века, все дома были серые, угрюмые, пяти- и девятиэтажные, и глаз они не радовали, хотя и обладали некоторым мрачно-аскетическим очарованием, и обладают им по сей день.

Недалеко от торца дома десять размещалась поликлиника, белое трехэтажное здание в форме параллелепипеда. Чтобы выйти на бульвар Яна Райниса, надо было пройти по территории поликлиники.

На бульваре Яна Райниса стояли три ларька, прижавшихся друг к другу – мороженое, табак и союзпечать. В ларьке мороженое можно было купить фруктовое ядовито-розовое мороженое за 7 коп., крем-брюле за 11 коп., сливочное мороженое в вафельном стаканчике, сначала за 19 коп. и с кремовой розочкой, а потом за 20 коп., но уже без кремовой розочки, мороженое «Лакомка» за 28 коп. и огромное сливочное мороженое-пломбир за 48 коп., самое дорогое и самое невкусное из перечисленных, а самым вкусным было самое дешевое – ядовито-розовое фруктовое за 7 коп. У ларька табак толпились мужики, страдающие никотиновой зависимостью. В ларьке союзпечать можно было купить очень ограниченный набор печатных средств массовой информации – правду, известия, вечернюю москву, московскую правду, труд, гудок, комсомольскую правду, пионерскую правду, несколько журналов типа огонька, и все, не было ни журнала компьютера, ни журнала хакер, ни журнала космополитен, ни газеты спорт-экспресс, все это появилось значительно позже.

Рядом с ларьками располагалось двухэтажное здание ужасающего вида – кафе пилот. Оттуда часто доносились вопли напившихся алкоголя людей с криминальными наклонностями (люди с другими наклонностями это кафе не посещали). Иногда утром около кафе пилот образовывалась огромная очередь – привозили чешское пиво. Очередь стояла с утра до вечера. Вся поверхность земли в радиусе полукилометра от кафе пилот оказывалась усеянной пивными пробками с красивыми чешскими логотипами, в воздухе висел густой запах пива и мочи, а под уютными кустиками бульвара Яна Райниса валялись удовлетворенные потребители пива.

Некоторые, например, дядя Женя, поступали по-другому. Каждое утро дядя Женя с пятилитровым бидоном шел к палатке, в которой продавалось разливное пиво (не чешское). Потом дядя Женя садился на скамейку около подъезда и молча, глядя в одну точку, выпивал пять литров пива. И шел за следующими пятью литрами. Так проходил день дяди Жени.

Следует также упомянуть так называемый шестнадцатиподъездный дом. Его так и называли – шестнадцатиподъездный. Такое название за домом закрепилось потому, что в нем было шестнадцать подъездов. Шестнадцать подъездов – это очень много. В доме десять, очень длинном, было всего двенадцать подъездов, а в шестнадцатиподъездном – целых шестнадцать – очень длинный дом, он тянулся, подобно некоей крепостной стене, от кафе пилот до метро «Сходненская».

Весь первый этаж шестнадцатиподъездного дома занимали магазины и учреждения. Магазин продукты. Магазин спорт. Центр какого-то творчества, кажется, детского технического. Опорный пункт. Библиотека. Еще что-то.

В магазине спорт продавалось много соблазнительных предметов. Велосипеды «Украина» и «Спорт». Мотоциклы «Минск» и «Иж-Планета-Спорт». Мотороллеры, марки которых навеки стерлись из памяти. Мопеды «Карпаты». Футбольные мячи, настоящие, за 30 рублей. Мячи для других видов спорта – баскетбольные, волейбольные, гандбольные. Ракетки и мячи (целлулоидные шарики) для настольного тенниса. Ракетки и мячи для обычного тенниса. Ракетки и воланчики для бадминтона. И много других предметов, часто непонятного назначения. Было приятно и интересно ходить в магазин спорт, и хотелось что-нибудь купить, и иногда даже получалось, мелочь какую-нибудь вроде дешевого пластмассового волейбольного мячика.

Шарик для настольного тенниса, если его поджечь, интенсивно выделяет нестерпимо воняющий густой белый дым. Можно сделать вот что. Разломать шарик на мелкие кусочки, завернуть их в фольгу, придать получившемуся объекту форму ракеты с соплом, а потом нагреть ракету спичкой. Кусочки шарика внутри загорятся, из сопла будет вырываться дым, и ракета с шипением полетит. Опасный, но интересный эксперимент.

Если просто сжечь шарик для настольного тенниса в каком-нибудь замкнутом помещении, например, в школьном туалете, то в это помещение в течение длительного времени невозможно будет войти.

На другой стороне бульвара Яна Райниса стоял девятиэтажный жилой дом очень необычной конструкции. Из светлого кирпича, с какими-то странными башенками на крыше, над каждым подъездом. Причем, это не был элитный дом, нет – самый обычный, для обычных людей, но сильно отличающийся внешне от окружающих домов. Такой же дом есть на бульваре Маршала Рокоссовского, в совершенно другом районе города.

Все эти дома до сих пор стоят там же, на своих местах.

Были и другие развлечения. Например, такое.

Взять стержень для шариковой ручки, заполненный пастой. Зубами вытащить пишуший узел. Зажать губами другую сторону стержня и создать атмосферное давление, чтобы там, где был пишуший узел, выступила капелька пасты. Бросить стержень в лужу. Соприкоснувшись с водой, паста бурно выделялась и играла роль реактивного топлива, толкающего плавающий стержень вперед. Стержень, толкаемый выделяющейся пастой, плыл довольно быстро. Зрелище завораживающее. На поверхности воды оставалась цветная (синяя, красная, зеленая или фиолетовая) пленка. Особенно интересно было пустить в одну большую лужу одновременно несколько стержней с пастой разных цветов. Стержень, сталкивавшийся с пленкой пасты на поверхности воды, расталкивал ее, как ледокол расталкивает лед, оставляя за собой полоску чистой воды. Или устраивали гонки. Для этого нужны были большие лужи. Такие лужи образовывались после дождей или весной, когда таял снег. Чей стержень первым приплывет к какому-нибудь рубежу (краю лужи или камню, или кромке льда), тот и победил.

Весна. Так сказать, журчат ручьи. Асфальтовая дорога около гаражей, недалеко от дома шесть корпус три по бульвару Яна Райниса. По краю дороги течет поток талой воды, сверху нависает корка подтаивающего снега, и плывет стержень, оставляя за собой красный след.

С точки зрения экологии – совершенно дикое развлечение, хотя и весьма интересное и захватывающее.

Или еще машинки. Соревнования по вождению маленьких машинок.

Каждый желающий участвовать в соревнованиях должен был обладать моделью какого-нибудь автомобиля с привязанной к ней веревочкой (ниточкой). Надо было тянуть свою машинку за веревочку. Размеры и марки автомобилей не оговаривались. Заранее определялся маршрут, по которому будут ехать машинки. Цель соревнований – провести свою машинку по маршруту так, чтобы она ни разу не опрокинулась. Опрокинувшиеся машинки выбывали из сорев-

нования. Наибольшим шиком считалось обладание «машинкой за три пятьдесят». Это были весьма качественные и красивые модели советских автомобилей, которые делали в Саратове на экспорт и которые стоили 3 руб. 50 коп. Очень редко такие машинки можно было купить в «Детском мире» на площади Дзержинского. Они поставлялись маленькими партиями, так что купить такую машинку было большой удачей. У этих машинок открывались двери, багажники и капоты, а под капотом был крошечный двигатель. Были также рессоры и настоящие резиновые шины на колесах. Чудесные машинки. Однако, они были совсем маленькими и часто переворачивались во время заездов.

Парень Серега нашел радикальное решение проблемы проходимости машинок. Однажды он явился на очередное соревнование с огромной, в полметра, моделью самосвала ЗиЛ-130 с огромными колесами и откидывающимся кузовом. Эта циклопическая машинка не опрокидывалась никогда, и соревнования быстро утратили смысл.

Или велосипед. Велосипед был изрядным развлечением.

Почти у всех были велосипеды. Как правило, «Орленок». На самом деле, эти велосипеды назывались «Вайрас» или «Шауляй», а никакой не «Орленок», но как-то так повелось – называть их именно «Орленок».

Велосипеды «Вайрас» и «Шауляй» производились в Литве.

Иногда устраивали соревнования на скорость или на выполнение технических приемов (например, красиво затормозить на гравийной дорожке школьного стадиона). Но чаще всего просто катались по асфальтовым и грунтовым дорогам и дорожкам Тушино, группами или поодиночке.

Было приятно кататься по дорожкам бульвара Яна Райниса. Они были извилистыми, закругляющимися, замысловато пересекающимися, и ездить по ним было интересно.

Говорят, бульвар Яна Райниса делали по прибалтийскому принципу. Засеяли пространство травой, и люди сами стихийно протапывали тропинки в удобных для себя направлениях. А потом их заасфальтировали. Люди, рассказывавшие эту апокрифическую историю, обычно умилялись: ах, как у них там все мудро и правильно, у прибалтов, как на Западе практически, как все умно и ненасильственно, не то что у нас, у нас только бы все запретить. Вот, тоже сделали мудро и правильно. Хотя, что в этом мудрого? Все равно, дорожки вели куда-то не туда, и чтобы дойти, к примеру, от кафе пилот до автобусной остановки, надо было долго петлять по петляющим дорожкам, а если бы дорожки проложили директивным путем, по приказу местных властей, то, наверное, сделали бы прямую

дорожку от кафе пилот до автобусной остановки. Люди, наверное, неправильно протапывали тропинки, наверное, они шатались, уклонялись от намеченного маршрута, и дорожки получались кривыми. Вероятно, тут сказалась близость кафе пилот.

Интересно было представлять себя водителем некоего пассажирского транспорта, следующего по установленному маршруту. Например, вот такой, самый простенький маршрут: дом десять – поворот к дому шесть корпус три – гаражи. Ну, это совсем простой, примерно как троллейбус 70к (красный), по прямой от Братцево до Универсама. А вот более сложный: дом десять – поворот к дому шесть корпус три – школа – поликлиника – кафе пилот – дом шесть корпус два – гаражи – дом десять. Или совсем длинный: дом

десять – поворот к дому шесть корпус три – дом шесть корпус три – дом пятнадцать корпус три (по улице Героев Панфиловцев) – дом пятнадцать корпус один – улица Героев Панфиловцев – Планерная улица – улица Фомичевой – метро «Сходненская» – шестнадцатиподъездный дом – кафе пилот – дом шесть корпус два – гаражи – дом десять.

Еще было интересно, хоть и опасно, ездить по улицам, среди машин, автобусов и троллейбусов.

В соответствии с Правилами дорожного движения, велосипед должен следовать на расстоянии не более одного метра от обочины (тротуара).

В соответствии с Правилами дорожного движения тех лет, велосипед подлежал государственной регистрации в качестве транспортного средства, наравне с автомобилями и мотоциклами. Однажды (всего один раз в жизни) видел дядьку на велосипеде с номером. Впрочем, гаишники смотрели на несоблюдение этого абсурдного правила сквозь пальцы. Да и гаишников тогда было очень мало, гораздо меньше, чем сейчас. Потом правило о регистрации велосипедов отменили.

Например, выехать к кафе пилот, по второстепенной асфальтовой дороге проехать вдоль шестнадцатиподъездного дома к метро «Сходненская», повернуть направо, к светофору, потом еще направо, выехать на основную трассу бульвара Яна Райниса, туда, где ездят машины, осторожно ехать вдоль тротуара, потом свернуть на Туристскую улицу, потом на улицу Героев Панфиловцев, потом на асфальтовую дорогу мимо дома шесть корпус три, и вернуться к дому десять.

Однажды поехал по этому маршруту, но не стал сворачивать на Туристскую улицу, а поехал дальше по бульвару Яна Райниса, в сторону Братцево. От деревни Петрово к тому времени уже мало что осталось, но кое-какие домишки еще стояли. Доехал до Братцево, до

детской больницы. Бульвар Яна Райниса превратился в улицу Саломеи Нерис. Вниз, под горку, по мосту через Московскую Кольцевую Автомобильную Дорогу, и вот уже поселок Новобратцевский. Остановился, огляделся. Красные фабричные корпуса. Фабричные ворота. Труба. Рядом с фабрикой – несколько желтых домов барачного типа, двухэтажных. От этих сооружений веяло тоской и безнадежностью, и страшно было даже подумать о жизни в этих бараках, хотя ведь меньше километра от Москвы, а уже все так по-другому, в Москве, конечно, в то время тоже еще кое-где были бараки, да и обычные пяти- и девятиэтажки были серы и невзрачны, однако же в московских домах не было этого духа уныния и монотонного отчаяния. Вместе с тем бараки и фабричные корпуса Новобратцевского были странно привлекательны и даже по-своему прекрасны, и невозможно было оторвать глаз от этих смиренных, смирившихся со своей участью строений, и даже, как некоторые говорят, «комок подступил к горлу», на самом деле никакой не комок, а просто какой-то приступ умиления, тоски и жалости к самому себе и ко всем окружающим объектам. Долго стоял, смотрел, смотрел... Потом развернулся и поехал обратно, по мосту через Московскую Кольцевую Автомобильную Дорогу, по улице Саломеи Нерис, мимо детской больницы, по бульвару Яна Райниса, мимо многочисленных оставшихся в живых домиков исчезающей деревни Петрово, мимо кафе пилот, мимо гаражей, к дому десять.

Собрались с несколькими ребятами постарше и поехали на велосипедах в дальнейшее путешествие, в город Химки. Это, вообще-то, очень далеко. Лето, дождливый день. Мимо дома шесть корпус три, по Планерной улице, мимо метро Планерная, по улице Свободы, по мосту через Московскую Кольцевую Автомобильную Дорогу, по Путилково шоссе, мимо каких-то невнятных построек Новобутаково. Выехали на Ленинградское шоссе. Пришлось долго ждать, пока в потоке машин образуется промежуток, чтобы перебежать. Перебежали. Дождь усилился. Подъехали к автобусной остановке. Это уже была Московская область, и автобусные остановки были оформлены совершенно по-другому, нежели в Москве, гораздо более дико и безобразно. Выкрашенная блеклой синей краской

будка, внутри темно, скамейка. Валяется мелкий мусор, стекла разбитых бутылок. Убого. Уже провинция, подумалось. Ребята постарше закурили. Женщина, одиноко стоявшая на остановке, опасливо поглядывала на курящих ребят постарше. Покурили и поехали по Московской улице к станции Химки. Московская улица уставлена угрюмыми пятиэтажными кирпичными домами. Подумалось, что, вроде, все то же самое, что и в спальных районах Москвы, улица, деревья на тротуарах, мрачные пятиэтажки, а все-таки не то же самое, в Москве как-то все же уютнее, и непонятно, в чем это выражается, но это совершенно неоспоримый факт. Покрутились на привокзальной площади, купили, кажется, каких-то пирожков и поехали обратно, по тому же маршруту. Долгое, захватывающее, интересное путешествие. Только на следующий год рассказал о нем маме, иначе для нее это был бы удар, она очень опасалась велосипедных поездок по улицам, где ездят машины и другой опасный транспорт.

Потом, когда детство плавно преобразовалось в так называемое «отрочество», стал все реже бывать в Тушино, все больше общаться с одноклассниками, проводить выходные и каникулы в Центре, там стало более интересно, а тушинские забавы поблекли и утратили былую привлекательность. Но все же многое запомнилось и, пожалуй, уже не забудется.

Туристская улица, дом десять. Бульвар Яна Райниса, дом шесть корпус три. Улица Героев Панфиловцев, изгибающаяся, как дуга. По ней ездят трамваи номер шесть. Исчезнувшая ныне деревня Петрово, деревенская асфальтовая улица, густо засранная крупным и мелким скотом, усыпанная упавшим с телег сеном. Девяносто шестой автобус, с надсадным тягучим воем медленно едущий по Туристской улице. Станция Тушино и грузовые поезда, сотрясающие земную твердь. Зелено-убогая Вишневая улица. Железнодорожный переезд на Сходненской улице. Страшный железный заводской корпус у Западного моста. Говорят, там делали авиационные двигатели или еще что-то такое. Проезд Донелайтиса, тянущийся вдоль огромного оврага, образованного речкой Сходней. Тихая и смиренная Аэродромная

улица, где раньше была какая-то радиолокационная вроде бы станция, а потом остались просто небольшие домики.

Дома, домики. Серые, серовато-белые. Панельные. Тихие и унылые, родные.

Дворы и качели, и маленькая асфальтовая площадка, где можно было играть в «два касания».

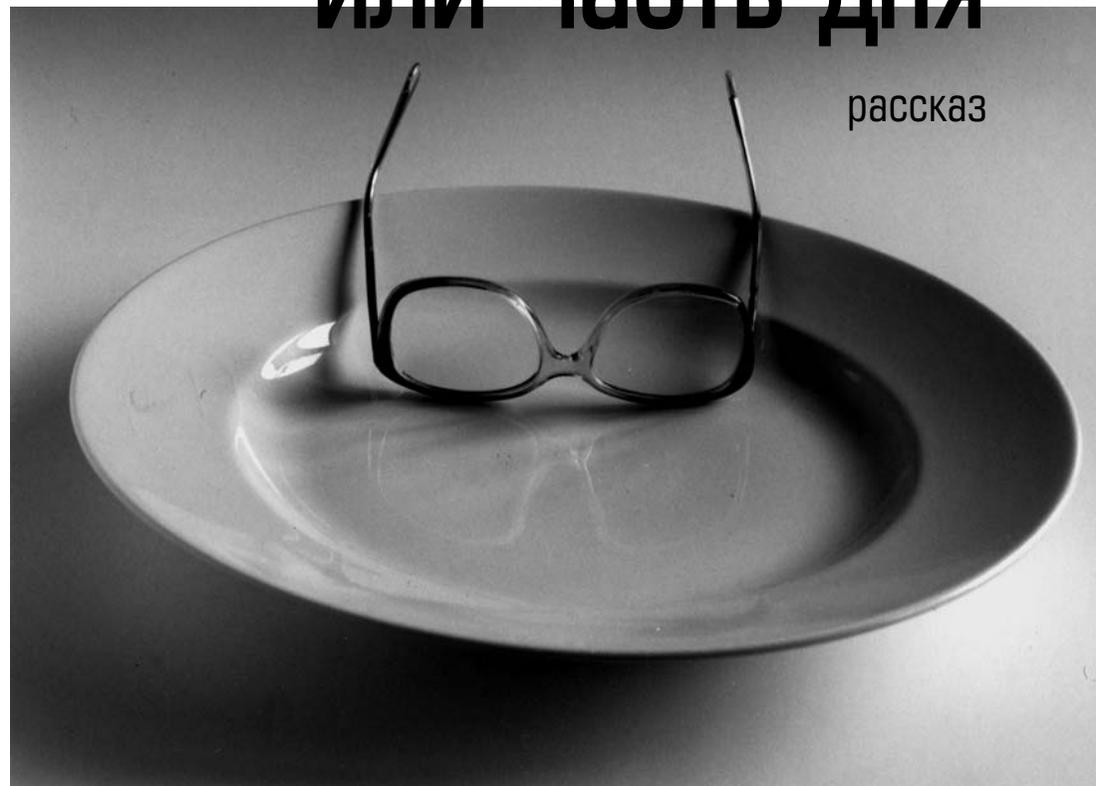
Можно было бы, конечно, написать «о взаимоотношениях», «о ребятах», но это совершенно не нужно, какая сейчас разница, кто с кем дружил и кто с кем дрался, это было так давно, что можно сказать, что и не было вовсе, это все ушло навсегда и совершенно неинтересно, возможно, кто-то из участников событий умер, кто-то уехал жить в другое место, кто-то спился или сел в тюрьму, кто-то ведет тихую обычную жизнь в том же Тушино, это все не важно и не существенно, а вот дома, заборы, гаражи и сараи стоят на своих местах, именно они важны и интересны, это единственная реальность, оставшаяся от того времени, и это единственное, что достойно описания, пусть даже такого короткого и фрагментарного, а ведь, с другой стороны, разве можно написать что-то серьезное и фундаментальное про эти низенькие серые бетонные дома, покосившиеся заборы, кафе пилот, скромные типовые здания школ, детских садов и поликлиник, про дворы и качели, и маленькие площадки, поросшие редкой, с проплешинами, травой.

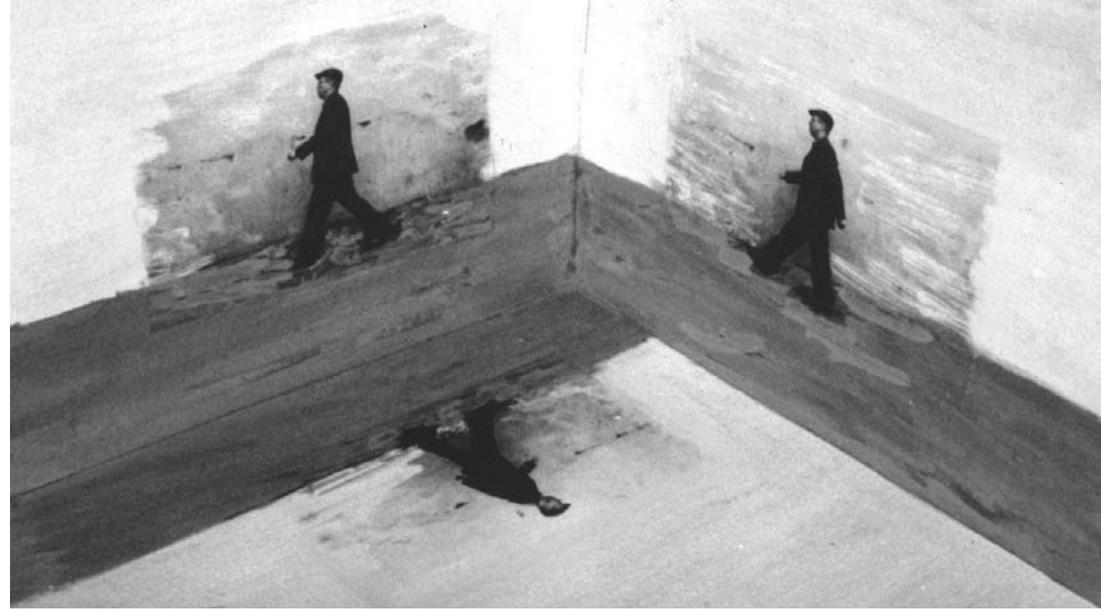
2003–2004

День

ИЛИ ЧАСТЬ ДНЯ

рассказ

ИТАК, ЧТО МЫ ВИДИМ, ЧТО МЫ ВИДИМ. Мы видим вот что.

Мы видим цепочку событий, мелких и несущественных, непрерывную цепочку, одно событие за другим, одно перетекает в другое, маленькие суетливые события, и между ними никаких промежутков, сплошное полотно или конвейер или эскалатор, нет никакого зазора между событиями, сплошное тихое медленное время, состоящее из событий; события происходят со стенами, домами, стульями, лампочками, ложками, деревьями, машинами, городом, человеком, вот он, человек, мы его заметили и теперь уже не упустим из виду.

Человек спит, лежа на широкой кровати, вернее, это не кровать, а диван, в сложенном виде это просто диван, так называемая мягкая мебель, а в виде разложенном превращается в большую квадратную мягкую плоскость, то есть, по сути дела, в кровать, на ней легко размещаются два человека и даже могут в таком положении совершать более или менее активные эмоционально-физические взаимодействия, а могут и трое разместиться, например, если вдруг приехали гости и надо их куда-то положить спать, но втроем будет уже тесно, и тут уже не до эмоционально-физических взаимодействий, а чисто поспать, просто чтобы переночевать, но человек лежит один, совершенно один, это довольно-таки удобно – лежать одному на широкой кровати, можно лежать по диагонали, разбросав конечности в разные стороны, что и делает наблюдаемый нами человек.

Кроме кровати и человека, в комнате есть еще несколько предметов: стол с компьютером и телефоном, стул у стола, еще стул у стены, кресло, телевизор на тумбочке, видеомагнитофон, стеллаж с книгами, много интересных и неинтересных книг, много всякой мелочи – компакт-диски, аудио- и видеокассеты, дискеты, бумажки, ручки, всякая мелочь, вроде бы ненужная, но если ее всю выбросить, то наверняка пропадет что-то нужное и даже ценное, ее не выбрасывают, она накапливается, накапливается и лежит тут и там неприятными залежами. Окно, в которое видно заоконное пространство. Утро, лето, голубое небо, утро. Дома и деревья.

Спит, спит, вот вроде проснулся, дернулся всем телом, нет, не проснулся, это пока еще фаза быстрого сна, какой-то сон приснился, может быть, приснилось, что споткнулся-упал, и вот дернулся, или что с большой высоты рухнул, или что оказался на высоченной стене толщиной всего в несколько кирпичей и высотой примерно один километр, на гребне этой стены оказался, и что делать, ни лестницы, ничего, непонятно, как поступить, стоять практически невозможно, ветер сильный, и то ли верхом на этой стене сидеть, то ли лечь и обхватить ее руками и ногами, чтобы не сдуло, а внизу так сумрачно, какие-то неясные очертания чего-то непонятного, дома стоят, улицы, фабрики и заводы, и сумрачно и темно, сильный ветер, что же делать-то, хоть бы какой вертолет что ли прилетел, прилетит вдруг волшебник в голубом вертолете, нету вертолета, не прилетит, или пожарные, у них лестницы такие длинные для спасения людей, нет, не бывает же таких лестниц в километр длиной, что же делать, ветер очень сильный, непонятно вообще, как такая стена может стоять, стена бесконечной длины, у нее же парусность большая, и она такая тонкая, это противоречит законам физики, но стоит как-то, хрен ее знает как, что же делать, может, лестница все-таки какая-нибудь, нету лестницы, ветер усиливается, одно движение – и сдует нафиг вообще, проснулся, открыл глаза.

Повернул голову, посмотрел в окно. Утро, лето, голубое небо, утро.

Повернул голову, посмотрел на будильник. 10.13. Комбинация цифр, из которой что-то следует.

Приподнялся на локте, посмотрел в окно. Утро.

Спать не хочется, и вставать не хочется. Или поспать. Нет, тогда можно все проспаться.

Положил голову на подушку, закрыл глаза. Если лежать на спине, хрен уснешь. Мягкие ткани куда-то там западают, в нос или в горло, и начинается храп, и хочешь не хочешь, а проснешься.

Лежит на спине. Снится что-то сквозь реальный мир, как будто идет по улице, а посреди улицы огромная тумба. Улица называется Неглинная, но на самом деле это Шоссейная улица, и вот уже Курьяновская плодоовощная база. Садится в сто шестьдесят первый автобус и едет по Неглинной улице, в сторону депо. Захрапел, проснулся.

Приподнялся на локте и застыл, прикрыв глаза. Неудобная поза.

Да уже пора бы. Или поспать. До трех ночи сидел. Не спал. Читал. До трех ночи. Ладно бы работал. Тогда бы можно поспать. А то хрень какую-то читал.

В такой неудобной позе можно находиться часами, часами.

Повернулся на другой бок, посмотрел в окно. Слышно, как на улице что-то происходит. Небо, солнце, утро.

Повернулся на другой бок. Сел. Встал.

Включил компьютер. Не потому что сразу встал – и за компьютер, нет, конечно, не маньяк ведь какой-нибудь, а просто, пока себя в порядок приведешь, туалет, там, ванная, компьютер как раз включится, потому что это процесс ведь не мгновенный, пока там всякие колонки цифр пробегут, пока надпись виндовс 2000 профессионал латинскими буквами появится, пока то да се, хотя это все длится не более двадцати секунд, все равно лучше, чтобы это все происходило и длилось во время гигиенических процедур, а не сидеть тупо перед монитором и ждать, пока все загрузится.

Туалет. Вошел в туалет, закрыл дверь.

В туалете хорошо посидеть-почитать. Но читать в туалете серьезные книги как-то не получается, неудобно, что ли, хотя, как определить, серьезная книга или нет, неизвестно, вот, например, серьезная ли книга война и мир, или преступление и наказание, или риэлторские и инвестиционно-строительные компании москвы и московской области, или христовщина и скопчество, или постатейный комментарий к части первой гражданского кодекса рф, или холодные закуски, или охота на овец, попробуй в этом разберись, холодные

закуски, пожалуй, серьезная книга, потому что ее как-то уж совсем неудобно читать в туалете, а остальные – нормально, можно, почему бы и нет.

Некоторые считают, что в туалете нельзя читать книги религиозного содержания. А некоторые считают, что можно. Наверное, они все правы.

Зато в туалете хорошо читать газету спортэкспресс. Футбол, хоккей, баскетбол, формулаодин. Дэвид Бэкхем, Хуан Пабло Монтойя, Стив Айзерман, Олег Романцев. Реал мадрид, боруссия дортмунд, боруссия менхенгладбах, динамо тбилиси. Или журнал огонек. Интервью с президентом Назарбаевым, статья про певицу Бьорк, исследование про американцыдураки. Хорошо. Способствует.

Туалетная бумага кончилась. Зато есть газета спортэкспресс и журнал огонек. Последний менее удобен.

Когда используешь периодическое издание в качестве туалетной бумаги, нехорошо отрывать фрагмент страницы, на котором изображен человек или крупно написано имя человека, то есть, например, крупный заголовок, в который входят слова Газзаев или Лукашенко или Пол Маккартни, не подойдет для такой цели, а вот если просто в тексте мелко написано Газзаев ответил, что внимательно следит за его выступлениями за марсельский олимпик и если или режим Лукашенко пользуется поддержкой большинства населения страны, однако или московский концерт Пола Маккартни еще раз показал, что, то такой обрывок газеты или журнала подойдет, а лучше всего что-нибудь в этом роде: Чемпионат России. Второй дивизион. Запад. 17-й тур. Видное – Динамо Вг – 1:2. Спортакадемклуб – Спартак Кс – 0:2. Спартак Ш – Светогорец – 0:0. Арсенал – Зенит-2 – 2:0. Торпедо Вл – Мосэнерго – 1:1. Псков-2000 – Текстильщик Ив – 0:0. Волочанин-Ратмир – Спартак-Телеком – 1:1. Центр. 17-й тур. Титан – Динамо Бр – 1:3. Витязь – Орел – 0:1. Дон – Биохимик-Мордовия – 3:2. Елец – Зенит Пн – 2:2. Спартак Лх – Локомотив Кл – 2:0. Спартак Тм – Металлург Вк 1:1. Искра – Торпедо Пв – 0:1. Урал-Поволжье. 17-й тур. Торпедо Вж – Энергетик – 1:1. Волга – Электроника – 1:0. Алнас – ЛУ-Койл – 0:3. Строитель – Уралец – 4:2. Газовик – Динамо Иж – 2:1. Носта – КамАЗ – 2:0. Тобол – Содовик – 1:1. Зенит Чб – Metallurg-Метизник – 2:1, хотя и названия команд для их болельщиков дороги и,

пожалуй, они бы посчитали такое использование тоже оскорбительным, ох, ладно...

Вышел из туалета, закрыл дверь.

Вошел в ванную, закрыл дверь. С другой стороны, чего ее закрывать, все равно в квартире больше никого нет. Но все-таки.

Посмотрел в зеркало. Залез в ванну.

Душ. Намылил (вернее, нашампунил, дурацкое какое слово) голову. С закрытыми глазами (потому что если открыть, то произойдет раздражение слизистой оболочки, и будет болезненно) нашупал мыло. Уронил мыло в ванну. С закрытыми глазами пошарил по дну ванны, нашупал мыло. Скользкое мыло опять ускользнуло. С закрытыми глазами пошарил по дну ванны, нашупал мыло. Поймал. Держать крепко. Пошатнулся, чуть не упал. Но мыло не выронил. Держать крепко. Намылил остальную часть головы, не захваченную волосьяным покрывом. Смыл. Открыл глаза. Губка, гель для душа. Нанес на всю поверхность тела. Особенно тщательно обработал участки с повышенным потоотделением. Смыл. Вытерся полотенцем. Вылез из ванны. Выдавил на зубную щетку зубную пасту, пасты осталось совсем немного, и для ее выдавливания потребовались физические усилия, пошуровал щеткой во рту, прополоскал рот, смыл с окрестностей рта остатки зубной пасты. Надо купить зубную пасту. И дезодорант. Побрызгал дезодорантом в подмышечные впадины. И гель для душа надо купить. А мыло пока есть, можно не покупать. Вытер полотенцем лицо.

А не побрился, потому что борода, и бриться не надо вообще.

Вышел из ванной, закрыл дверь.

Вышел из ванной совершенно голый. Коридор, шкаф. Пошарил в куче тряпья, нашел трусы. Надо постирать, а то трусов уже почти не осталось чистых. И носков. И футболок. Надо постирать. Надел трусы. Перестал быть голым. Можно приступить к деятельности.

Компьютер требует ввести пароль. Зачем он вообще нужен, пароль, все равно этим компьютером больше никто не пользуется, но ладно, пусть будет. Ввел пароль. Пароль совсем простой, примитивный даже, но все равно, догадаться практически невозможно.

Теперь компьютер готов к работе на нем.

В одних трусах, перед монитором. Стул не очень удобный, надо будет потом кресло купить. Правая рука держит мышь, левая совер-

шаает мелкие хаотичные движения: чешет ногу или живот, ковыряет в ухе, ковыряет в носу, барабанит пальцами по столу.

Проверить почту.

Программа дозвона. Программа дозвона дозванивается. Скрипит, пищит модем. Долго дозванивается, никак не может дозвониться.

Ладно, пусть пока дозванивается.

Правая рука держит мышь, левая совершает мелкие хаотические движения.

Открыл программу ворд, открыл текстовый файл.

Утро выдалось ветренное и морозное: погода словно решила испытать бывших нефтяников на прочность. Но «где наша не пропадала», и вереница стойких экскурсантов потянулась вслед за гидом, который хотел во что бы то ни стало показать все «по полной программе». А посмотреть действительно было на что: компактный кемпинг по типу подводной лодки, отлично оборудованные растворный узел и насосный блок и, конечно, сама буровая – гордость компании «Дойтаг». Легендарный Вильгельм Маас, поднявшись на буровую площадку и посмотрев «внутренности» станка, так описал свое впечатление: «Для меня это что-то космическое. Когда-то давно на ВДНХ я видел луноход и очень удивлялся дальнзоркости человеческой мысли. Здесь я вижу что-то подобное». Глядя, как загорелись глаза бывалого буровика, спрашиваем: «Не хотелось бы вернуться и поработать на такой вот «пилотируемой станции?». «Нет, – отвечает Маас, – я свое уже отработал...»

А вот совет молодым дать – это святое. «О приросте запасов нужно думать», – считают почти все ветераны, с которыми удалось пообщаться. «Чтобы детям и внукам осталось», – беспокойно добавляет бывший первый секретарь горкома партии Владимир Шестаков. И чтобы вчерашние нефтяники убедились, что в компании и о будущем не забывают, делегация отправилась в самое интеллектуальное подразделение компании – Геологический научно-аналитический центр.

Исправил пару ошибок – где наша не пропадала избавил от кавычек, добавил тире, по полной программе тоже без кавычек пусть будет. Слово компания должно писаться с большой буквы. Отменил исправления. Вообще-то, текст давно напечатан в журнале, и его уже читают или не читают читатели. Просто привычка – ошибки исправлять.

Закрыть файл. Сохранить изменения? Да. Хотя, исправления все равно отменил, и получается, что никаких изменений-то и нет, чего тогда сохранять, ладно, какая разница.

Правая рука держит мышь, левая совершает мелкие хаотические движения.

Надо чаю попить. Нет, сначала почту проверить.

Программа дозвона дозванивается. Надо все-таки выделенку ставить. Программа дозвона дозвонилась.

Почтовая программа. На экране появляется летучая мышь с конвертом в лапах. Потом исчезает.

Много ящиков, много почты, на один ящик пришло что-то несусветное, три мегабайта, иллюстрации, наверное, пока качается, надо чай сделать.

Кухня. Налил в фильтр воды. Пусть фильтруется.

Пошел посмотреть, как там почта. Почта качается. Постоял около компьютера. 15%, 20%. Качается. 35%. Повертел в руках компакт-диск. Угол бумажной обложки компакт-диска неприятно загнулся. Открыл коробку, вытащил обложку, вставил правильно, закрыл коробку. Теперь хорошо. 65%. Вода, наверное, уже отфильтровалась.

Отфильтрованную воду налил в электрический чайник, включил. В заварном чайнике остатки вчерашнего чая. Некоторые такое пьют. Долил туда воды из-под крана, пошел в туалет, взболтал, вылил в унитаз. Закрыл дверь, вышел из туалета. Сполоснул заварной чайник водой из-под крана. Пачка чая фирмы «Ахмад». Хороший сорт викториан

бленд. Насыпал пару ложек в заварной чайник. Электрический чайник пока не закипел.

Закипает. Походил по кухне. Заглянул в холодильник. Еды мало. Много кетчупа, майонеза. Масло, сыр. Хлеб. Достал масло, сыр, хлеб. Надо будет купить поесть. Подошел к окну. Улица, деревья,

дома, машины, люди. Закипел электрический чайник. Налил кипятком в заварной чайник. Накрыл крышечкой. Пусть постоит, заварится.

Пошел посмотреть, как там почта. Почта скачалась. Несколько небольших писем. Спасибо, очень понравилось, вышли еще что-нибудь. На следующей неделе у меня не получится, а начиная со следующего вторника – вполне, давайте спланируем, надо обязательно встретиться. Что будем делать с форумом? Там, в принципе, все готово, надо только определиться с порядком работы. Вышлите мне, пожалуйста, вариант текста с исправлениями Сергея Владимировича.

Правая рука держит мышь, левая совершает мелкие хаотические движения.

Огромное письмо, три мегабайта. Действительно, иллюстрации. Хорошего качества, подходят для полиграфического воспроизведения. Три снимка. На одном изображен мужик в строительной каске на фоне каких-то труб. На втором изображен другой мужик, похожий на первого мужика, тоже в строительной каске на фоне каких-то труб, кажется, тех же самых. На третьем – три мужика, все трое похожи одновременно на первых двух мужиков, все в касках, на фоне автомобиля КамАЗ, везущего какие-то трубы на длинном прицепе. Никаких комментариев в письме нет, только Hello и best regards и обратный адрес. Файлы называются 0001.tiff, 0002.tiff и 0005.tiff. Понятно, что это иллюстрации для журнала. Но кто эти мужики, какую статью нужно проиллюстрировать этими мужиками – неизвестно.

Наверное, уже заварился.

Налил чай в кружку, одну заварку, не доливая кипятком. Две чайные ложки сахара. Размешал, гремя. Взял деревянную доску. Отрезал два кусочка белого хлеба. Отрезал шесть кусочков сыра. Холодный сыр из холодильника приятно режется, ровными пластинками. Ножом отколупал кусочек замерзшего холодного масла, когда масло холодное, трудно от него отрезать кусочки, нож соскальзывает, гремит, но еще хуже, когда масло стояло в тепле и растаяло, гадость, хотя и удобно намазывать. Попытался намазать кусочек замерзшего масла на хлеб, оно не намазывается, а просто вдавливается в толщу хлеба, хлеб крошится, неудобно. Еще один кусочек масла. Нож гремит, хлеб крошится. Еще один кусочек масла, и еще один кусочек масла. Нож гремит, хлеб крошится. Два кусочка хлеба снабжены не-

которым количеством масла. На каждый кусочек хлеба – по три кусочка сыра. Два бутерброда. Чай и два бутерброда. Нормальный завтрак. Странно, когда люди едят на завтрак что-то так называемое «существенное», мясо там или картошку или даже суп, как тот мужик в романе писателя Сорокина «Тридцатая любовь Марины», нет, утром надо что-то такое полегче, чай с чем-нибудь, чай и два бутерброда, нормально. Бутерброды положил на тарелку, взял чай и тарелку, понес к компьютеру.

Тарелку с бутербродами поставил слева от клавиатуры, чашку с чаем – справа, где коврик с мышью.

Вообще-то, не рекомендуется есть и пить за компьютером, можно залить клавиатуру или уронить на нее еду или случайно размазать жирную еду по монитору. Но ничего, как-нибудь.

А в интернет-кафе разрешают пить и иногда даже есть за компьютерами. Интересно, что будет, если пьяненький посетитель прольет пиво на клавиатуру? Интересно, взышут ли с него стоимость клавиатуры, или охранники с позором выставят его вон, или молча, без звука, в мгновение ока заменят клавиатуру, вытрут стол тряпкой и приятно улыбнутся?

Американцы провели исследование мусора, застревающего в компьютерных клавиатурах. С большим отрывом лидируют крошки пищевых продуктов на зерновой основе. Ну, там, поп-корн, чипсы, хотя, чипсы – это не зерновой продукт, он из картошки, с другой стороны, бывают чипсы из маиса, то есть, из кукурузы, а это уже продукт вполне зерновой, а если бы в России провести такое исследование, то там бы лидировали, наверное, хлебные крошки и маленькие обломки сухариков три корочки, а еще пиво, множество молекул и целых луж пива, а вот следов кока-колы совсем, наверное, не обнаружилось бы, и поп-корна.

Левая рука теперь не совершает мелких хаотических движений, а держит бутерброд с сыром. Правая рука периодически перестает держать мышь и берет чашку с чаем. Обидно и очень глупо – быть совершенно трезвым и пролить на клавиатуру чай. Не надо этого делать. Надо аккуратно.

Надо ответить на письма. Леня отвечать на письма. Надо уточнить про этих мужиков в касках. Здравствуйте, Людмила! Уточните,

пожалуйста, что это за дядьки, вообще, нахрен они нужны, куда их пихать-то, а? И, главное, нет чтобы написать в теле письма – к такому-то материалу, или назвать файлы как-нибудь так, чтобы понятно было, например, kozlov.tiff или ahmetzyanov.tiff или melentyev.tiff, ну надо же хоть как-то соображать, вроде ведь нормальные люди, сколько раз объяснял, а все без толку. Здравствуйте, Людмила! Уточните, пожалуйста, какой материал требуется проиллюстрировать присланными Вами иллюстрациями. В письме никаких комментариев не было, а по именам файлов понять что-либо затруднительно. Заранее благодарен. С уважением.

Отправил. Вот, дело сделал.

Правая рука подносит чашку ко рту, левая держит второй бутерброд.

Надо и на другие тоже ответить. Просит выслать еще. Ладно, это потом, тут надо отбирать, надо еще посмотреть, что уже высылал, ладно, потом. Когда встретиться, когда встретиться. Да, надо встретиться. Здравствуйте! Спасибо за Ваше письмо. Да, надо обязательно встретиться. Давайте ближе к делу созвонимся или спишемся. Я Вам обязательно позвоню. С уважением. Что будем делать с форумом? Ладно, это тоже потом, надо подумать, да ничего делать не будем, собственно, ладно, это потом. Иногда и надо-то написать всего пару фраз каких-нибудь, и ничего даже придумывать не надо, всего-то спасибо за письмо, да, нет, не знаю, конечно, нет, не получится, да, получится, и все, а так не хочется, словно это какое-то большое и трудное дело, и оно откладывается, и приходят новые письма, и то письмо лежит без ответа, потом вдруг вспомнил, извините, что долго не писал, спасибо за письмо, да, нет, не знаю, конечно, нет, не получится, да, получится, с уважением, глупость какая, нет чтобы сразу ответить, глупость, глупость, глупость, глупость, и это очень нелепо.

Левая рука уже не держит бутерброд, и опять совершает мелкие хаотические движения.

Надо еще чаю налить. Еще ведь горячий. Пришел на кухню. Или просто воды попить. Налил в кружку профильтрованную воду, выпил. Еще холодная, очень приятно пить такую воду, еще налил, еще выпил. Или чаю все-таки. Подошел к окну. Посмотрел в окно. По-

среди улицы остановились две машины. Наверное, столкнулись, не видно. И два мужика ругаются. О чем конкретно ругаются, не слышно, но если две машины посреди улицы остановились и два мужика ругаются, вон, еще третий выходит, то значит – столкнулись. Неприятно. Кому-то деньги платить. Или, наоборот, кому-то за разбитую машину не заплатят. Один мужик звонит по мобильному телефону. Другой мужик тоже достает мобильный телефон и тоже звонит. А третий мужик достает мобильный телефон, но не звонит, а просто держит его в руках и смотрит на первого мужика, который звонит по мобильному телефону. Может, они в свои страховые компании звонят, как в Америке? А может, на работу, тут один козел в меня въехал, опоздаю, или в ГИБДД, может, чаю все-таки попить, нет, потом. Еще налил воды, выпил. Холодная, хорошо. На холодильнике лежит газета. Взял газету, посмотрел. Развернул. Уже читал. А вот это не читал. Как это раньше не заметил. Надо же. Забавно. Смешно. Очень интересно. Значит, все-таки дали именно ему. Ну а что, правильно, в общем-то. Ой, там же интернет не отключен.

Правая рука держит мышь, левая совершает мелкие хаотические движения.

Посмотреть интернет. Посмотреть, чего в интернете нового. Сразу открыть много окон, потом отключиться и читать, читать. Вот тут люди что-то пишут, а другие читают. Вот здесь что-то все пишут, пишут, а им в ответ пишут комментарии, и потом комментарии к комментариям. Бывает просто дикое количество комментариев. Очень интересно. Вот тут люди обсуждают. Один чего-нибудь напишет, другой. Потом третий. И так далее. Совместный поиск истины. А тут люди, написав предварительно художественные произведения, размешают их, а другие люди пишут, что это очень хорошо или, наоборот, дурно.

Окна, окна, много окон.

Пишут, комментируют. О, это интересно, надо будет почитать. Это тоже надо будет почитать. И вот это надо будет обязательно почитать. Потом.

Телевизор, что ли, включить.

Правда, сидя за компьютером спиной к телевизору, смотреть телевизор затруднительно. Зато его можно слушать. Там сейчас новости будут.

Надо отключиться от интернета. Отключился от интернета. Ой, забыл, надо еще посмотреть кое-что. Опять подключаться. Программа дозвона дозванивается.

Вылез из-за компьютера, чтобы включить телевизор. Надо попить воды. Пошел на кухню, налил в кружку воды, попил.

Заглянул в холодильник. Хорошо, что кетчуп есть. Можно будет сварить макароны и есть их с кетчупом. Но это потом. Глазированный сырок со вчера остался. Взял глазированный сырок, закрыл холодильник. Развернул глазированный сырок, откусил кусочек. Хороший, приятный, здоровый продукт. Посмотрел в окно.

Улица. Те мужики, которые ругались, уже уехали. Детская площадка. Мальчик, и еще мальчик. Мальчик пошел сначала туда, а потом вон туда. Другой мальчик, наоборот, сначала почему-то ломанулся туда, а потом вон туда. Что-то он там нашел. Другой мальчик подошел. А другой мальчик побежал. Другой тоже побежал и догнал. Другой мальчик ударил того мальчика палкой по голове. А другой мальчик заорал и упал. А другой пошел вон туда. А тот мальчик перестал орать и просто лежит на земле. Пришла девочка. Девочка бессмысленно бродит вокруг песочницы. Мальчик лежит. Другой мальчик стоит. А девочка бессмысленно бродит вокруг песочницы. Ой, там же интернет подключился уже, наверное. Доел глазированный сырок.

Программа дозвона дозвонилась. Забыл, что хотел посмотреть. Что же хотел посмотреть-то, а. Ох. Ладно. Проверил почту. Здравствуйте, это иллюстрации к материалу «Наши трубы не подведут». А, ну да. Наши трубы не подведут. Три мужика в касках на фоне труб. И два мужика в касках по отдельности на фоне труб. Трубы не подведут. Спасибо. Что же хотел посмотреть. Нет, забыл. Отключился. Включил телевизор.

Объект должен быть сдан в октябре. Будут приложены все усилия, чтобы объект был сдан в срок. Объект общегородского значения. Объект, чрезвычайно важный для жизнеобеспечения города. Объект,

значение которого трудно переоценить. Работы ведутся в три смены. Строжайший контроль качества. Объект будет сдан в октябре. Когда объект будет сдан, в городе станет хорошо. Будет красиво, современно. Ах, как будет здорово, если объект будет сдан в октябре. Машины будут ездить хорошо и правильно, туда и сюда, в соответствии с божественным замыслом, а не так, как сейчас, как попало, туда и сюда. Это просто ну очень хорошо будет, когда объект будет сдан в октябре. Все-таки, много он для города делает. Понятно, ворует, но для города много делает. Шельмец, конечно, развел мафию, но для города очень много все-таки делает. Клейма ставить негде, но для города действительно много делает. Ну, ворует, конечно, а кто не ворует-то, но для города зато много делает, этого нельзя отрицать, другие просто воруют, а этот все-таки еще и для города очень много делает. Как прошли гастроли. О, прекрасно. Нас прекрасно принимали. Прекрасная публика. Пели хором наши хиты. Не ожидали такого приема. Все было просто прекрасно. Как вам город. О, прекрасный город. Просто фантастика. Он такой огромный. Не ожидали увидеть такое. Очень красиво. Огромные проспекты, море машин. Столько развлечений. Суперсовременный город. Жаль, не удалось толком его рассмотреть. А девушки. О, девушки. Прекрасные девушки. Таких красивых девушек мы не видели нигде в мире. Девушки, такие красивые девушки, такие красивые, правда, это просто что-то невероятное, такое у них все красивое, у девушек, так много красивых девушек, много, очень много девушек, если бы не плотный гастрольный график, мы бы остались здесь навсегда, потому что здесь такие прекрасные, такие красивые девушки, и их так много, такие девушки, такие девушки, девушки, девушки, такие клевые девки, классные девки, просто супер у вас тут девки, девки, девки, девки, девки, девки, очень много красивых девок. А накануне встречались лидеры группы. На кону стоял выход в полуфинал. Это был поединок равных соперников, но чуть удачливее оказались португальцы. Это мое видение. Я как художник. Творчество – нелегкий труд. Мне посчастливилось встретиться. Незабываемые уроки мастера. Приходилось работать в почти невыносимых условиях. Ради этого мы и работаем – ради этих счастливых лиц. Ради этих счастливых лиц. Ради этих счастливых лиц.

А вот здесь просто клипы показывают, только иногда ведущий какую-нибудь фигню скажет, и снова клипы, пусть будут клипы, можно даже звук выключить, и пусть клипы идут без звука, беззвучные клипы, и сесть спиной к телевизору.

Надо бы позвонить. Да. Сейчас. Сначала надо проверить почту. Программа дозвона дозванивается.

Прошелся по комнате туда, сюда. Постель, что ли, убрать. Или ладно. Ладно. Вышел на балкон. Лето, солнце, голубое небо, лето. Жарко. Постоял. Мальчик, девочка и мальчик куда-то ушли. Ничего не происходит. Едут машины. Идут люди. Проезжают мимо машины. Гуляют люди. Машины, одна за другой, едут мимо. Люди прохаживаются из стороны в сторону.

Вернулся к компьютеру. Программа дозвона дозвонилась. Проверил почту. Ничего нет. Какое-то разочарование наступает, когда почты нет, даже если и не ждешь ничего, все равно как-то неприятно, вроде как она должна быть, а нету, нету почты, почты нет. Отключился.

Телефон. Снял трубку. Набрал семь цифр. Занято. Еще раз набрал те же самые семь цифр, вдруг там уже освободилось или может быть это было не занято, а просто не было соединения, опять занято, но короткие гудки начинаются не после паузы, как бывает, когда действительно занято, а сразу после набора седьмой цифры, а это обычно свидетельствует о том, что не занято, а просто соединение не проходит, набрал еще раз, опять то же самое, набрал еще раз, а вот теперь опять занято, но уже после паузы, значит, действительно занято, набрал тут же еще раз, вдруг там уже освободилось, нет, опять занято. Набрал восьмерку, гудок, набрал десять цифр. Аппарат абонента и так далее. Набрал семь цифр. Не занято. Длинные гудки. Много длинных гудков. Никто не подходит. Очень странно. Это же офис, как может в офисе никто не подходить, ведь давно рабочий день. Тем более, что только что было занято. Может быть, ошибся, не туда попал. Набрал семь цифр. Никто не подходит. Может быть, опять ошибся, хотя нельзя же ошибиться два раза подряд, можно, можно и десять раз подряд ошибиться, набрал восьмерку, гудок, набрал десять цифр. Аппарат абонента. Набрал семь цифр. Занято. А только что никто не подходил. Значит, либо тогда ошибся

и не туда попал, либо там никого нет, и одновременно еще кто-то звонит, а может быть, просто из офиса все вышли в туалет или покурить или еще куда-нибудь, в магазин за едой или за водкой, может, они там что-нибудь отмечают, а сейчас вернулись и стали звонить по телефону. Набрал семь цифр. Занято. Набрал семь цифр. Занято. Значит, люди появились в офисе, потому что если бы это кто-нибудь просто одновременно пытался дозвониться, то он бы уже перестал, наверное, и линия бы освободилась, а может быть он тоже вот точно так же много раз подряд звонит, а там, в офисе, никого нет, набрал семь цифр, никто не подходит.

Вышел на балкон. На детскую площадку вернулся один из тех двух мальчиков. Теперь он неподвижно сидит на бортике песочницы. Какой-то мужик припарковал жигули у тротуара, открыл капот и чинит, чинит, чинит, или не чинит, а просто проверяет уровень масла или вот бывает водители открывают капот и просто смотрят туда, в глубину, в бездну, все ли там в порядке, все ли на месте в бездне, стоят и смотрят, смотрят.

Набрал семь цифр. Занято. Набрал восьмерку, гудок, набрал десять цифр. Никто не подходит. К мобильному телефону никто не подходит. Как такое возможно. Ведь он должен или в кармане лежать и зудеть там, или на шее на шнурке болтаться, или просто звонить или играть какую-нибудь изуверскую мелодию под ухом, как

можно к нему не подойти, хотя можно, почему бы и нет, может быть, человек пошел в туалет и сидит там, не станешь же в туалет брать с собой телефон, или просто у него номер определился и он не хочет разговаривать, все бывает, или разговаривает одновременно по городскому телефону, или слушает оперу или смотрит кино или участвует в конференции и просто звонок отключил, все в жизни бывает, хотя какая на хрен опера, какая еще может быть опера, глупость какая, просто дикая, несусветная глупость, опера, ох.

Набрал семь цифр, занято, набрал семь цифр, занято, набрал семь цифр, занято, набрал семь цифр, занято, есть вообще-то механизм такой простой, кнопка redial, можно просто ее нажимать и не набирать каждый раз семь цифр, но лучше набирать, а то если неправильно набрать, то будешь потом все время по неправильному номеру дозваниваться, набрал семь цифр, занято, набрал семь цифр, занято, набрал семь цифр, не занято, длинные гудки и человеческий голос, человеческий голос, надо же, человеческий голос.

Михаил Александрович? Извините, а можно попросить Михаила Александровича? А когда он будет? А я звонил только что, а у вас никто не подходил. Странно. Ну ладно, может, не туда попадал. А он давно вышел? А. Да нет, ничего, спасибо, я ему позже перезвоню, спасибо, всего доброго.

Набрал восьмерку, гудок, набрал десять цифр.

Здравствуйте, это Николай? Добрый день, Николай. Да, это я. Я вам могу куда-нибудь по городскому перезвонить? Да, сейчас перезвоню.

Набрал семь цифр. Занято. Набрал семь цифр. Занято. Набрал семь цифр. Занято. Набрал семь цифр. Занято. Зачем просить перезвонить по телефону, который занят. Набрал семь цифр. Занято. Может, на мобильный перезвонить. Набрал семь цифр. Занято. Набрал восьмерку, гудок, набрал десять цифр.

Здравствуйте еще раз, что-то у вас там занято. А. Через сколько? Ну, как у вас там освободиться, вы мне позвоните, я дома. Да, хорошо, буду ждать.

Надо бы почту проверить, но телефон нельзя занимать, сейчас он должен позвонить. Воды попить.

На кухню. Налил в кружку воды, выпил. Открыл холодильник. Не осталось ли глазированных сырков? Глазированных сырков не оста-

лось. Зато есть майонез. Надо будет попозже чего-нибудь поесть, потом.

Налил в кружку воды, выпил.

В коридоре толпится определенное количество обуви. Топоршится на вешалке одежда. Одежда и обувь. Еда и питье. Хлеб и соль.

Что-то не звонит. Не звонит. Звонит.

Здравствуйте, еще раз. Хотел узнать, как там наши дела. Не хватает? Я же вам передавал конверт. Конверт. Там еще Омск было написано. Да. Там четырнадцать снимков было. Ну да. Вы посмотрите у себя. Нет, у вас, точно. Да. Вы сейчас прямо можете посмотреть? Ну вы тогда потом позвоните, если не найдете, но они у вас. Да, да. Мне еще сегодня по почте пришли три штуки, про трубы, трубы не подведут называется материал. Да, на шестнадцатую-семнадцатую. Я вам перешлю. Они большие, правда. Нет, не получал. А что? Да? Нет, я не видел. А много не влезает? Ну ничего, подрубим. Да, конечно. Подрубим. Да. Я вам высылал. Там красным отмечены изменения, надо эту версию вставить. Там изменений мало, можно не переверстывать. Ну, там пара строк всего добавится. Да. Ну давайте. Давайте в субботу, да. Давайте. Спокойненько сядем. Давайте. Да, давайте. Хорошо, конечно. Ну давайте. Тогда до субботы. Ага, хорошо. До свидания, всего доброго. Да, конечно. До свидания.

Вышел на балкон. Неплохой вид. Дома, дома. На горизонте дома. И вблизи дома. Мужик закрыл капот жигулей. Теперь он присел на этот капот и разговаривает с другим мужиком. Присел на капот этак по-шоферски небрежно. Есть еще ряд поз, по-шоферски небрежных. Например, стоя около машины, опереться о ее крышу. Или, сидя в машине, открыть дверь и выставить ноги наружу. Так делают многие бомбилы, которые дежурят на вокзалах и около значных мест. Присел на капот и разговаривает с мужиком. Мальчик неподвижно сидит на бортике песочницы.

Набрал семь цифр. Никто не подходит. Набрал семь цифр. Кто-то подошел.

Здравствуйте, можно попросить Михаила Александровича? А, я вас не узнал, извините. Здравствуйте. Я поговорил. Есть возможность по семьсот пятьдесят. Да. Но это только для вас. Сугубо конфиденциально. То есть, вообще это как бы девятьсот пятьдесят. Да, пожалуйста, огромная просьба. Иначе просто проблемы у нас будут. Да, до конца года, как договаривались. Конечно. Можно, конечно. Нет, почему. Нет, нет, вы не так поняли. Это все входит. Ну конечно. Ни в коем случае. Нет, все как договаривались. Ну, можно в офисе у нас. Или так. Да. Подъедем, конечно. Я или Лариса. Она там все подпишет. Ну, разумеется. Да. Вы мне, если что, звоните, у вас мой мобильный есть? Звоните, конечно. Если надо будет, я подъеду, все сделаем. Обычно в четверг, да. Можно и в выходные. Да нет, по-разному, жестких правил нет. В выходные давайте. Хорошо. Да, давайте так. Ну, договорились. Спасибо. Спасибо, да. Да не за что. До свидания, всего доброго. Да, часов в двенадцать позвоню, и договоримся о времени. Да, хорошо. Спасибо еще раз. Да мне-то не за что. До свидания, всего доброго.

Вот, хорошо. Хорошо-то как. Слава Богу, все нормально. Договорились. Нормальный мужик, без этих вот. Все бы такие были. Хорошо. Ой, хорошо. Слава Богу.

На балкон выйти или воды попить или почту проверить. Что-нибудь сделать, кроме звонков по телефону.

Лучше не говорить по телефону, а общаться или непосредственно при личной встрече, или переписываться по электронной почте или по эсмэс. Подумал – написал. Прочитал – подумал. Еще подумал – ответил. Хорошо, обдуманно, осмысленно. А по телефону ляпнешь какую-нибудь глупость или, наоборот, не найдешь, что сказать, потом будут последствия и будет нехорошо.

Есть даже специальные обучающие книжки и тренинги как вести переговоры по телефону как осуществлять продажи по телефону эффективные коммуникации по телефону.

Например, разговаривая по телефону, надо улыбаться. И сидеть, выпрямившись. Рекомендуются даже поставить перед собой зеркало и во время разговора по телефону следить за своей перекошенной

физиономией. Надо также быть опрятно одетым. Нельзя вести важные переговоры по телефону в одних трусах или в трусах и в майке или без трусов или в трениках и в майке. Надо следить за своей осанкой. Надо представить, будто ваш собеседник сидит прямо напротив вас.

Гадость, какая гадость, мерзкая унылая гадость.

На кухню, попить воды. Налил воды в кружку. В фильтре закончилась вода. Налил в фильтр воды. Выпил воды.

Посмотрел в окно. Мальчик выкопал посреди песочницы огромную яму и продолжает копать. Копают детской лопаткой. Выкопанный песок пополам с землей образует горку за пределами песочницы. Скоро в песочнице не останется песка. Когда это он успел. Дети любят делать символические захоронения. Например, вот так. Например, устраивается сражение двух армий. Дети выступают в роли полководцев. Личный состав армий символически обозначается спичками. Каждая спичка посередине оборачивается кусочком фольги. Если фольга простая, белая – это солдат. Если зеленая – офицер. Если зеленая с небольшой красной полоской, тоже из фольги – генерал. Солдат много, офицеров мало, генералов единицы. Спички располагаются лежат. Они просто стройными рядами лежат на земле, ротами, батальонами, полками. Полководцы по очереди бросают в землю перочинный нож, стараясь, чтобы он воткнулся в землю и перерубил неприятельского солдата или офицера или генерала. Если спичка полностью перерублена, это означает смерть, если частично – ранение. Побеждает тот, кто перебьет всю неприятельскую армию. Потом устраиваются торжественные похороны. Роем братская могила для погибших солдат. Их трупы просто сваливаются в кучу и засыпаются землей. Сверху кладется несколько листиков, сорванных с ближайшего дерева. Офицеры хоронятся в персональных могилах. Сверху могила обозначается каким-нибудь более существенным знаком, нежели листочки – осколком стекла или красивым камешком. Генералы хоронятся с еще большим почетом. Могила устраивается в укромном месте. В могилу кладется убитый генерал, а сверху она прикрывается плоским прозрачным стеклышком. Стеклышко по краям засыпается землей, а середина остается открытой. Если место выбрано удачно, такая могила сохраняется месяцами и даже годами.

Полководцы иногда приходят на эти священные места, осторожно очищают стеклышко от нанесенного временем мусора и с трепетом разглядывают сквозь стеклышко останки павших героев. Зачем же этот мальчик роет такую яму? Кого он в ней собирает похоронить? Кошку или собаку или хомяка или морскую свинку или кролика или ценности какие-нибудь или документы или самого себя?

Мимо медленно проехала сильно покореженная машина.

Вода фильтруется медленно. Надо купить новый картридж для фильтра.

Вошел в туалет, ненадолго. Вышел из туалета.

Вошел в ванную, помыл руки. Вытер руки полотенцем.

В коридоре толпится определенное количество обуви. Что надеть-то сегодня. Что надеть. Кроссовки. Кроссовки пыльные. Пару часов походил по городу – и кроссовки пыльные. Говорят, в западноевропейских и американских городах не так, можно лечь на асфальт чуть ли не в белом пиджаке и никаких следов не останется, часто в американских фильмах можно наблюдать, как человек с улицы входит в дом и, не разуваясь, влезает с ногами на диван приятной кремовой расцветки, и видно, что ботинки абсолютно чистые, и диван тоже чистый, у нас не так, у нас пару часов походил по городу – и кроссовки пыльные.

Взял правую кроссовку. Пошел в ванную. Старой зубной щеткой почистил кроссовку под струей воды. Отнес кроссовку на место. Взял левую кроссовку. Пошел в ванную. Старой зубной щеткой почистил кроссовку под струей воды. Отнес кроссовку на место. А вот эти ботинки давно уже пора выкинуть.

Надо будет купить ботинки.

Еще звонок надо сделать. Сначала почту проверить.

Программа дозвона дозванивается.

Открыл в программе ворд текстовый файл, пролистал. Проверил количество знаков. Закрыв.

Программа дозвона дозванивается.

Открыл игру сапер. Надо мышью шелкать по клеточкам. От этого взрываются заложенные под клеточками мины. Задача – не взорваться. Шелк, шелк. Взрыв. Новая игра. Шелк, шелк. Взрыв. Новая игра. Шелк, шелк, шелк, шелк, шелк. Взрыв. Новая игра.

Правая рука держит мышь, левая совершает мелкие хаотические движения.

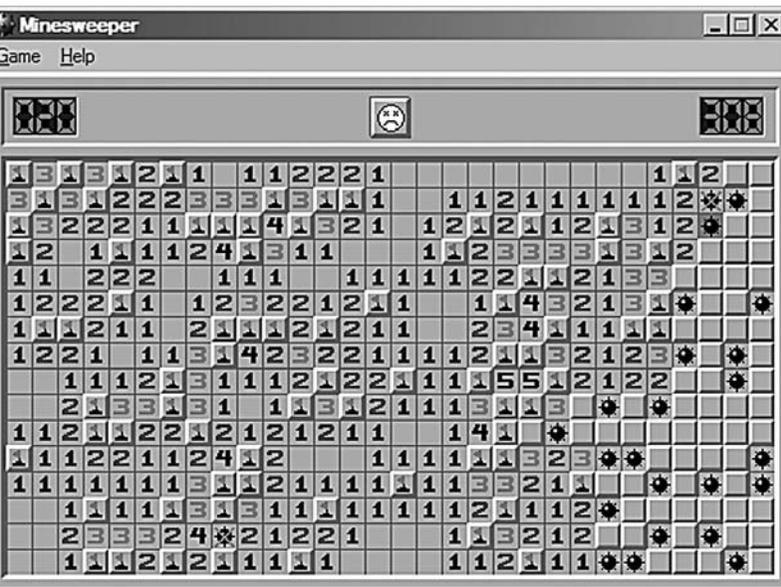
Шелк, шелк, шелк, шелк, шелк, шелк, взрыв. Новая игра. Шелк, шелк. Взрыв. Новая игра. Шелк, шелк, шелк. Взрыв. Программа дозвона дозвонилась.

Пришло два письма на два разных ящика. В одном письме предлагается купить итальянские кондиционеры. В другом письме тоже предлагается купить итальянские кондиционеры.

Удалил. Отключился.

Набрал семь цифр. Новая игра. Занято. Набрал семь цифр. Шелк, шелк. Занято. Набрал семь цифр. Шелк. Взрыв. Новая игра. Шелк, шелк. Занято. Взрыв. Набрал семь цифр. Новая игра. Занято. Набрал семь цифр. Шелк, шелк, шелк, шелк, занято, шелк, шелк, шелк, шелк, шелк, шелк, увлекательная игра, когда много свободных клеточек откроешь, становится интересно, особенно если играть на большом поле, шелк, шелк, набрал семь цифр, шелк, шелк, шелк, шелк, шелк, здравствуйте, можно попросить Ирину, шелк, шелк, шелк, шелк, шелк, здравствуйте, Ирина, шелк, шелк, да, это я, шелк, шелк, я хотел узнать, как там насчет рекламы, вы посмотрели макет, шелк, шелк, шелк, шелк, шелк, нет, нет, на печати это будет нормально выглядеть, это же только превьюшка, шелк, шелк, не беспокойтесь, там все нормально будет, шелк, шелк, шелк, а что с текстом, шелк, шелк, добавить текст, а большой, шелк, шелк, шелк, ой, это ведь много, это надо все переделывать, шелк, шелк, шелк, шелк, тогда надо другой какой-то рисунок, и вообще макет другой получится, шелк, шелк, шелк, вообще-то это очень шелк, шелк, очень нежелательно, композиция вся поломается, шелк, шелк, дело, конечно, хозяйское, шелк, шелк, шелк, да нет, можно, конечно, можно, все можно, шелк, шелк, просто рекламные тексты никто ведь не читает, шелк, шелк, конечно, это общеизвестный факт, никто это читать не будет, шелк, шелк, воспринимается только цветное пятно, логотип, слоган и все, остальное это лишнее, шелк, шелк, да, делают, конечно, но это по-другому делается, шелк, шелк, это имеет смысл, только если написать рекламный текст в виде шелк, шелк какой-то истории, можно ее просто под статью замаскировать, а вот так вот просто пару нудных абзацев шелк, шелк, шелк про то, что у

нас замечательная косметика, обладающая замечательными свойствами, шелк, шелк, это никак не воспринимается аудиторией, шелк, шелк, шелк, да я понимаю, но это вам кажется, что не нудные, а читатель просто пролистнет и не заметит, а композиция макета полагается, будет только хуже, шелк, шелк, шелк, шелк, шелк, шелк, шелк, ну естественно, естественно, вы приобрели площадь, вы имеете право разместить там все что угодно, я просто советую, как лучше, но вы решайте сами, это ваша прерогатива, конечно, да, конечно, мы переверстаем, это не вопрос, но вы все-таки подумайте, стоит ли, шелк, шелк, по-моему в нынешнем виде гораздо лучше, а, ну тогда да, давайте, давайте, вы мне текст пришлите, пожалуйста, шелк, шелк, мы завтра сделаем, я как раз в офисе буду, мы с дизайнером посидим, я вам пэдээфку по почте вышлю, окей, шелк, шелк, шелк, как только вышлю, сразу позвоню, и мы это дело утвердим, шелк, надо завтра обязательно утвердить, а то мы по срокам не успеем иначе, шелк, шелк, но все-таки жалко, такой макет симпатичный получился, ну ладно, хорошо, договорились, до свидания, всего

шелк, взрыв, эх, всего две остались, надо было ту открывать, говоришь им, как

лучше, не понимают, лезут фактически не в свое дело, заказали, заплатили и не лезьте, сами без вас все сделаем, так нет же, утверждают что-то там, переделывают, сейчас идиотский текстик пришлют, и ничего там исправлять нельзя, потому что генеральный директор, видите ли, утвердил, неграмотные, ни хрена не понимают, а что-то там пишут, придумывают, что за люди, ладно, хрен с ними, новая игра, шелк, шелк.

Взрыв.

Ладно.

Прошла уже часть дня.

Или можно еще сказать – миновала.

Миновала часть дня.

В Коране часто встречается словосочетание для обозначения небольших промежутков времени – день или часть дня. Очень красиво – день или часть дня. Не то что убогое несколько часов или какое-то время или некоторое время. День или часть дня.

Есть такая китайская так называемая мудрость: решающее время года – весна, решающее время суток – утро. То есть, надо встать как можно раньше, имеется в виду, часа в четыре или в пять утра, и сделать как можно больше полезных дел. Тогда день можно будет считать удачным.

Что-то глубоко неприятное есть в таком распорядке.

Надо еще один звонок сделать. Надо. Сейчас.

Попить воды, или нет, сколько можно пить воду. Посмотреть в окно. Даже не так – выйти на балкон и посмотреть, что там, на улице.

Вышел на балкон, посмотрел. На улице все то же самое, что и вчера и несколько дней назад, а несколько месяцев назад были слякоть и снег, а в остальном все то же самое, только машины стоят у тротуаров немного по-другому и занятия детей слегка изменились – зимой они швыряют друг в друга снежки или лепят из снега нечто уныло-бесформенное, а летом копаются в песке или бегают или в футбол играют, но все эти занятия, в сущности, совершенно одно от другого не отличаются, то есть совсем.

Надо позвонить. Да. Надо.

Набрал семь цифр. Здравствуйте, можно попросить Марину. Марин, привет. Ага. Привет. Да ничего, нормально. А у тебя как. Ну

слава Богу. Да я вот тоже. Ага. Ага. Понятно. Ну как ты насчет сегодня. Да? В смысле... Когда? Да? Ого... Слушай, а ты ничего не говорила. Ну, понятно. Да... Все ясно. Брюссель? Ну вообще. Слушай... так это надолго? У... Ну ты бы сказала хоть. Не, ну как-то... Нет, я понимаю. Ну понятно. Подожди, ну чего ты. Да просто как-то в неведении. Как обухом. Я бы хоть знал. Ну, извини. Значит, только в декабре. Ну, понятно. Понятно. Слушай... Ну давай хоть провожу. Да? А, ну тогда да, лучше не надо. Понятно. Да... Ну ладно. Ну ты меня, честно говоря, огорошила. Да. Как-то я... Да нет, ничего. Ага. Слушай, ну что... Счастливо тебе съездить. Да, давай. Ну, удачи тебе. Счастливо. Пока. Пока. Да нет, ничего. Ну ладно, ну чего теперь. Ага, ну давай. Пока.

Вперил остановившийся взгляд в монитор.

На мониторе отображаются знаки, символы.

Встал, походил по комнате. Подошел к стене. Ударил по стене кулаком. Прислонился предплечьем к стене, лбом прислонился к предплечью, постоял так некоторое время. Походил по комнате. Подошел к окну и долго неподвижно смотрел на виднеющиеся на горизонте высокие дома.

Лег на кровать поверх одеяла. Машинально взял лежавший рядом на стуле журнал, машинально открыл, машинально пролистал несколько страниц с большим количеством изображений и малым количеством текста. Отложил журнал в сторону. Машинально взял лежавшую рядом на стуле книгу, машинально открыл на первой попавшейся странице, машинально прочитал.

Провалившись на экзамене, Тимофеев не пошел обедать, а отправился домой и, сняв тужурку, улегся спать. Приземистый, с серым лицом и всклокоченной желтой бороденкой, он лежал на спине и храпел. Над его лбом, изогнувшись, как удочки, нависли несколько жиденьких прядей, в которые слиплись его водянистые волосы. Поинялая синяя сатиновая рубашка выбилась из-под пояса, и между нею и штанами виднелась окрашенная раздавленным клопом нижняя рубашка. Мухи садились ему на лицо, и он, мыча, сгонял их рукой, но не просыпался. Он проснулся только вечером, когда уже не было солнца и электричество горело в лампе, брошенной после ночной зубрежки с незавернутым краном. Он вскочил, и, спустив ноги

с кровати, взял правой рукой край левого рукава и стал тереть глаза. – Надо велеть самовар, – сказал он себе и пошел искать хозяйку. Ее не было в доме, и он вышел взглянуть во дворе.

Красная луна, тяжеловесная, без блеска, как мармеладный полумесяц, висела над задворками. На красноватом западе тускнелись пыльного цвета полосы, точно сор, сметенный к порогу и так оставленный. Было тихо-тихо, и хозяйка, сидя на ступеньке, закутавшись в большой платок, не шевелилась, не моргала, наслаждалась неподвижностью и тишиной. Тимофеев сел ступенькой выше и молчал. Так они сидели безмолвные и неподвижные, с глазами, устремленными на небо. Далеко-далеко просвистел паровоз. Хозяйка тихонько вздохнула и прошептала: – Фильянка. – Какая фильянка? – шепотом спросил Тимофеев. – Фильянская железная дорога. – И они опять замолчали и долго сидели тихие и затаившиеся, пока не открылось окно и оттуда не крикнули: – Дарья Ивановна, где вы? Нельзя ли самовар? – И мне, пожалуйста, – сказал тогда Тимофеев, встал и пошел к себе.

Глотал он чай и жевал ситный задумчиво: что-то значительное, казалось ему, было в тех минутах, когда он сидел на крыльце и смотрел на мутноватое, сулящее на завтра дождь, небо.

Господи, как же это прекрасно, всего три маленьких абзаца, но как же прекрасно, отложил книгу в сторону.

Что же делать-то, а. Что же делать. Вот ведь как. Брюссель. Да. Некоторое время лежал неподвижно с закрытыми глазами.

Что же делать. А что делать. То же, что и обычно. Дела делать.

Надо уже ехать, пора уже.

Не хочется ничего делать, просто тупо лежать и все и все и пусть ничего вокруг не происходит.

Но надо делать. Надо совершать дела. Надо ехать.

Встал, подошел к телефону, набрал семь цифр. Занято. Набрал семь цифр. Занято. Надо почту проверить.

Программа дозвона дозванивается.

Открыл в программе ворд текстовый файл, пролистал, проверил количество знаков, закрыл, удалил.

Программа дозвона дозвонилась.

Почта. Пришло одно письмо, основным содержанием которого было не сердись и так получилось.

Ответить или не надо. Смысла нет. Ладно, надо ответить, хотя бы из вежливости.

Написал ответное письмо, основным содержанием которого было да, да.

Отправил. Отключился.

Набрал семь цифр. Здравствуйте, могу я поговорить с Павлом Иннокентьевичем. Это по поводу журнала, я у вас вчера был, помните. Да. Спасибо. Когда спрашивают как вас представить, хочется сказать сядьте поудобнее, закройте глаза, расслабьтесь, сделайте несколько глубоких вдохов и представьте и далее описание внешности. Здравствуйте, Павел Иннокентьевич. Я готов подъехать, как договаривались. В четыре? Да, нормально. Хорошо, я подъеду. Да, отлично. До встречи. Всего доброго.

Хорошо и удобно работать с большим начальством. Трудно и мучительно – с мелким.

Может, почту проверить. Вдруг там что-нибудь. Мало ли.

Только что проверял, вообще-то. Перед уходом можно будет проверить, на всякий случай.

Порылся в шкафу, надел носки, джинсы, так называемую толстовку.

Хорошо летом, можно больше ничего и не надевать.

Проверил паспорт, права, техпаспорт, ключи, другие ключи, деньги, съемную панель магнитолы. Надо сумку взять, а то как-то не солидно на деловую встречу без сумки приходить.

Надо еще денег взять, надо будет заправиться. И чего-нибудь поесть купить. И зубную пасту. И дезодорант. И гель для душа. И картридж для фильтра для воды. И еще чего-нибудь купить.

Все вроде.

Теперь проверить почту.

Программа дозвона дозванивается.

Сходил на кухню, выпил воды. Сходил в туалет. Вымыл руки в ванной.

Программа дозвона дозвонилась.

Почта. Вдруг что-нибудь есть. Вдруг все-таки. Ничего нет. Писем нет. Есть даже такое доменное имя – *risem.net*, очень идиотское, что это за почта такая, которая называется писем нет, кто это придумал такое.

Отключился.

Ладно.

Надо ехать.

Закрыв почтовую программу, закрыл интернет эксплорер, и еще одно окно интернет эксплорера, и еще одно окно интернет эксплорера, и еще одно окно интернет эксплорера, вот это надо бы почитать, ладно, потом, закрыл программу ворд, закрыл программу виндовс командер, пуск, завершение работы.

Закрыв форточку. Посмотрел, не горит ли газ. Уже несколько дней его не включал, как он может гореть, а все-таки надо посмотреть, мало ли. Нет, не горит. Хорошо. Закрыта ли дверца холодильника, закрыта, все выключено, все взял, паспорт, ключи, деньги, права, техпаспорт, съемную панель магнитолы, все взял. Телефон забыл. Мобильный. И включить забыл. Так с ночи и лежал выключенным. Возможно, упущено несколько важных звонков. Вдруг звонил кто-нибудь по важному какому-нибудь делу, вдруг звонили предложить какую-нибудь очень выгодную работу, какой-нибудь огромный заказ, как же так, нельзя же так, несерьезно, что люди подумают, подумают что это за деловой человек такой, у которого телефон посреди дня выключен, деньги у него наверное закончились, как могут у серьезного человека закончиться деньги на телефоне, нет, с таким человеком нельзя иметь дело, нельзя такому человеку предлагать выгодную работу, нельзя ему предлагать огромный заказ, он все делает неправильно, напортачит, потому что раздолбай, потому что не может так быть, чтобы в рабочее время телефон был отключен или чтобы у человека не было денег на телефоне, понятно, если ночью, там, телефон отключен, спит человек или еще что, это понятно, или рано утром, но часов с девяти утра уже должен быть включен, а если не включен или если деньги на телефоне закончились, то это просто совершенно невозможно так вести дела.

Ладно, кому надо – дозвонится, а кто не дозвонится, тому не надо.

Включил телефон, сунул в карман. Лучше в карман, чем в сумку, потому что на улице иногда не слышно звонка из-за шума, а когда в кармане лежит, то ощущается вибросигнал.

Как-то все машинально, машинально.

Открыл дверь, вышел, закрыл дверь, запер дверь сначала маленьким ключом, потом большим ключом, подергал дверь, проверил, закрыта ли, бессмысленное совершенно действие, но на всякий случай надо, надо.

Машинально, машинально. Просто надо совершать механические действия, что-то надо делать, а то ведь так можно с ума сойти, надо вот ехать на деловую встречу, Павел Иннокентьевич – важный клиент, деловая встреча – это важно, надо совершать механические действия, просто надо, машинально.

Когда настроение есть, можно и не машинально, можно действовать с чувством, с выдумкой, с азартом, у американцев есть такое понятие challenge, вызов, вот, например, встретиться с Павлом Иннокентьевичем, успешно провести переговоры – это challenge, и можно было бы бодро, азартно, инициативно поехать к Павлу Иннокентьевичу и бодро, инициативно провести с ним

переговоры, хотя какие там переговоры, просто папку с материалами забрать и все, но все равно это challenge, если настроение есть, вот у американцев, наверное, всегда есть настроение, они обычно бодрые такие, и у русских у некоторых это тоже наблюдается, например, у людей, занимающихся сетевым маркетингом, такие бодрые, везде у них вызов, везде надо победить, это если есть настроение, а если настроения нет, то просто машинально действовать и все, механически, поехать, встретиться, забрать, уехать, и никаких вызовов, просто машинально.

По лестнице вниз, вниз. На одной из площадок хлопнула дверь, и какой-то мужик тоже стал спускаться по лестнице, неприятно, когда спускаешься по лестнице, а за твоей спиной кто-то тоже спускается по лестнице, не обгоняет и не отстает, а просто идет следом, очень неприятно, ну а что делать.

В подъезде темно, на улице светло и тепло. Красный автомобиль ВАЗ-21093 двумя колесами стоит на проезжей части, а двумя – на тротуаре. Достал из кармана брелок с кнопочкой, нажал на кнопочку, сигнализация пикнула, шелкнули замки.

Мимо проехал красивый серебристый автомобиль Гелендваген. Это очень дорогой, непростой автомобиль. А ВАЗ-21093 – автомобиль очень простой и недорогой.

Открыл дверь, сел, закрыл дверь. Сумку положил на сиденье рядом. Вставил куда положено съемную панель магнитолы. Машина заставляет совершать машинальные действия, никуда от этого не денешься, сцепление, тормоз, газ, рычаг переключения скоростей. Перевел рычаг переключения скоростей с задней передачи на нейтральную. Завелся. Хорошо летом, не надо долго прогревать двигатель, можно вообще не прогревать. Включил радио. На нашем радио звучит одна музыка, на радио ультра другая, на русском радио третья, на радио шансон четвертая. Звучит так называемая песня, а потом реклама, а потом ведущий произносит какую-нибудь словесную конструкцию, имеющую цель развлечь слушателей, а потом звучит другая так называемая песня, а потом еще другая песня, а потом реклама, и так все время, без перерыва, как чередование мировых эпох, и закончится это только когда радио обанкротится или отнимут частоту или владельцы решат изменить формат и начнут транслировать звуки морского прибора или работающего экскаватора или абсолютную тишину.

Снялся с ручного тормоза, нажал сцепление, включил первую передачу, посмотрел назад-налево, отпустил сцепление, одновременно нажал газ, поехал.

Ехать вообще-то недалеко. Правда, пробки.

Узкая, слегка пришибленная улочка. С одной стороны тюрьма, с другой – психиатрическая больница. Кое-где торчат испуганные жилые дома. Название улочки весьма удивительно, оно состоит из двух совершенно не сочетающихся друг с другом слов.

Можно было бы через Язу, так ближе, но там сейчас не проедешь, все перегородили. Ладно, через Сокольники.

Свернул на другую улочку, тоже маленькую, но совсем другую, добрую, подслеповатую, как седенькая провинциальная старушка. Небольшие убого-уютные домики еле видны за деревьями.

Впереди едет неуклюжий автобус. Он останавливается на остановке, но никто не выходит из него и никто в него не входит. Похоже, в нем просто никто не едет. Но водитель дисциплинированно останавливается на остановках, потому что мало ли что.

Из-за автобуса приходится ехать медленно. Наконец, обогнал. Все равно приходится ехать медленно, потому что улочка узкая и по краям заставлена машинами.

Промелькнуло издательство машиностроение. В издательстве машиностроение выпускается журнал кузнечно-штамповочное производство.

Выехал на широкую улицу Стромынка. По ней ходят трамваи, троллейбусы. Если ехать по ней на Восток, она плавно перетечет в широкое шоссе, которое практически никуда не ведет, ни в какой крупный город, только в поселок Черноголовка и в далекий город Киржач.

На Стромынке много машин. Надо постоянно смотреть в зеркало.

ДК им. Русакова – яркий образчик конструктивизма. Пожарная каланча – типичный образчик пожарной каланчи.

Наше радио транслирует песню с ложной претензией на андерграундность. От этой ложной претензии становится немного омерзительно.

Направо. У магазина зенит торгуют велосипедами и запчастями к ним. Люди беспорядочно переходят проезжую часть, и ехать трудно.

Около метро Сокольники находится храм Воскресения Христова в Сокольниках. Он знаменит тем, что его алтарь ориентирован не на Восток, как во всех православных храмах, а на Юг, на Иерусалим. То есть, практически как мечеть.

Опять направо.

Наше радио транслирует песню, авторы и исполнители которой изо всех сил стараются нагнетать атмосферу тоски и отчаяния, а получается почему-то смешно. Песня заканчивается, и ве-

душий говорит, что она потрясающе передает чувство тоски и отчаяния.

Богородское шоссе со всех сторон окружено дружелюбной зеленью парка Сокольники, и ехать по нему приятно.

Вообще, ехать приятно. Хорошо, что поехал. А то если дома лежать на кровати и смотреть в потолок – вообще тоска. А так вроде едешь и ничего, едешь и вроде ничего, создается иллюзия что ничего, ничего.

Вообще, ничего. Нормально. Хотя, конечно...

Ладно.

Налево. Ростокинский проезд. Вроде бы то же самое, что и на Богородском шоссе, кругом зелень, но все-таки здесь уже немного по-другому. Когда идешь или едешь по Ростокинскому проезду, особенно в жаркий летний день, иногда находит какое-то оцепенение, и хочется остановиться, сесть или лечь, закрыть глаза и пребывать в полной неподвижности. А вот на Богородском шоссе такие состояния почему-то не возникают.

За мостом через железную дорогу Ярославского направления Ростокинский проезд становится улицей Бориса Галушкина. Здесь природа заканчивается. По бокам улицы Бориса Галушкина стоят большие жилые дома с несколько сонным выражением на лицах. Люди потерянно бродят вдоль и поперек.

Светофор. Остановился, постоял, поехал.

Еще светофор. Остановился, постоял, поехал.

На подъезде к проспекту Мира пробка. Надо же, проехал такое расстояние практически по Центру, и только сейчас первая пробка.

Немного проехал, остановился.

Еще немного проехал, остановился.

На нашем радио конкурс. Надо непрерывно слушать наше радио и ждать условного сигнала. Услышав условный сигнал, надо немедленно позвонить на наше радио и что-то отгадать. Тем, кто отгадает, дадут что-то. А тех, кто еще что-то более сложное отгадает, пустят куда-то бесплатно, куда другие только за деньги могут попасть, да и то не все.

Еще немного проехал, остановился.

Еще немного проехал, выехал на проспект Мира.

На проспекте Мира сделали две удобные развязки, и теперь гораздо удобнее стало.

На другой стороне проспекта Мира стоят Рабочий и Колхозница. Это очень красивый объект. В сущности, ничто не мешает назвать эту композицию как-нибудь по-другому. Например, Врач и Учительница или Менеджер и Менеджер или Водитель Автобуса и Водитель Трамвая или Математик и Искусствовед или Писатель и Поэтесса или Метрдотель и Официантка. Хотя, конечно, у них в руках серп и молот, а значит, это именно Рабочий (с молотом) и Колхозница (с серпом). С другой стороны, ни один нормальный рабочий не будет держать свой молот вот так вот, в высоко поднятой руке и стоять при этом в такой неестественной, хоть и красивой, позе, он просто будет тихонько себе тюкать этим молотом по какой-нибудь детали, так же и колхозница в здравом уме не будет воздевать свой серп к небесам, такое скорее взбредет в голову Математику или Поэтессе или в крайнем случае Менеджеру.

Но вообще-то это, конечно, просто Рабочий и Колхозница.

На проспекте Мира оживленно. Обогнал троллейбус. Надо держаться правее.

На берегу Яузы съехал на параллельную дорогу, проехал под мостом, развернулся, поехал по проспекту Мира в обратном направлении, в сторону Рабочего и Колхозницы.

Здесь уже посвободнее. Ближе к вечеру все едут из Центра, а в Центр мало кто. Посвободнее. Хорошо. Можно разогнаться. Вообще, хорошо. Здорово, что поехал. Сейчас бы сидел дома в тоске. Надо что-то делать, отвлечься как-то, занять себя делами, что-то надо делать.

Разгоняться особо некуда, потому что надо уже направо поворачивать.

Улица Сергея Эйзенштейна. Это, кажется, какой-то деятель кино. Эту улицу назвали так, потому что рядом находится институт кинематографии. Там людей учат снимать кино, писать сценарии. Интересно, как можно научить человека писать сценарии. Наверное, как-то можно. Учат ведь. И они, научившись, потом пишут сценарии. А некоторые пишут прямо так, не учась. Берут просто и пишут.

Направо. Почти приехал. Улица Вильгельма Пика. Постоял,

пропустил встречные машины. Повернул налево, к воротам и шлагбауму. Показал охраннику паспорт и пропуск. Прямо и направо, приехал.

Огромное серое здание. Так называемое сталинское, потому что построено во времена правления Сталина. Серое здание, похожее на крепость, высокое, с внутренним двором. Кажется, что стены чуть завалены внутрь, как у тибетских пагод, но это впечатление обманчиво. Если отойти немного подальше и долго, не отрываясь, смотреть на это здание, особенно на его задний фасад, в голове что-то произойдет, станет необычно и немного страшно. Или очень страшно. Потому что это довольно-таки страшное здание.

В этом здании раньше располагался Коминтерн, а потом Коминтерн упразднили, и в здании стало располагаться что-то другое.

Выключил зажигание, скрипнул ручным тормозом, воткнул заднюю передачу, отцепил панель магнитолы, взял сумку, открыл дверь, вылез наружу, закрыл дверь, нажал на кнопку, сигнализация пискнула, шелкнули замки.

Вошел в здание, показал паспорт, показал пропуск.

В здании темновато и угрюмо. И очень высокие потолки.

Лифт, царство бездействия. Сначала тупо стоишь, ждешь, ничего не делаешь, потом едешь и тоже просто стоишь.

Приехал лифт. Поехал наверх.

На одном из этажей в лифт вошла женщина с папкой в руках. Симпатичная женщина. Очень. В лифте, конечно, неприлично разглядывать человека, но, даже посмотрев мельком, можно увидеть, что да, весьма симпатичная женщина. Умное такое лицо.

Это очень приятно.

Что-то выпадает из папки, листок какой-то. Поднял листок, отдал. Спасибо большое.

Вышла на следующем этаже. Вошел какой-то дядька. Просто дядька в костюме. Поехали дальше.

Иногда просто приятно встретить красивую женщину с умным лицом, просто встретить и все, не пытаться познакомиться, а просто вот так вот встретить и больше никогда не увидеть.

Вышел на одном из этажей. Коридор, дверь. У двери табличка с фамилией, инициалами и должностью Павла Иннокентьевича.

Здравствуйте, у меня на четыре встреча назначена, здравствуйте, да, я помню, сейчас, минутку подождите, Павел Иннокентьевич к вам пришли, проходите пожалуйста, здравствуйте, Павел Иннокентьевич, здравствуйте, здравствуйте, рад видеть, проходите пожалуйста, присаживайтесь, спасибо, хотите чаю, да нет спасибо большое, собственно, вот здесь все материалы собраны, да, отлично, здесь все есть, а фотографии тоже есть, да, конечно, все тексты, которые вообще за все это время были, и фотографий много, вы еще можете знаете что сделать, на нашем сайте можете посмотреть, там много фотографий выложено, они, может, по качеству не очень, но вы на всякий случай посмотрите, конечно, обязательно посмотрю, вот, ну, вы понимаете, это должно быть что-то такое, это должно выстрелить, это сейчас для нас очень важно, понимаете, конечно, разумеется, сделаем, я на вас очень надеюсь, не беспокойтесь, все сделаем, давайте мы договоримся на следующий вторник, я вам черновой вариант покажу, вам удобно будет, конечно, давайте, отлично, я как раз в Москву уже вернусь, прекрасно, во вторник, вы приедете, вам удобно, конечно приеду, все привезу, мы с вами сядем-посмотрим, ну отлично, отлично, вы извините, ради Бога, что не могу сейчас вам больше времени уделить, просто не успеваю, вы уж меня извините, да ну что вы, конечно, естественно, я понимаю, а мы с вами во вторник черновой вариант посмотрим и все обстоятельно обсудим, все наши перспективы, хорошо, да, конечно, ну, договорились, а вам когда во вторник удобно будет, давайте мы договоримся так, вы мне во вторник с утра позвоните, да-да, прямо сюда, и мы точно договоримся, я просто сейчас точно еще не знаю, какой у меня график будет, думаю, где-нибудь во второй половине дня, позвоните, и мы уже точно определимся, хорошо, спасибо большое что приехали, да что вы не за что, спасибо вам, до вторника, до свидания, до свидания,

всего доброго, вы уже, так быстро, да, просто материалы взял, мы на следующий вторник договорились, ясно, до свидания, до свидания.

Можно сказать, что переговоры прошли успешно.

Теперь все в обратной последовательности, лифт вниз, вошел дядька в костюме, вышел дядька в костюме, первый этаж, вышел из здания, сигнализация пикнула, шелкнули замки, открыл дверь, сумку на сиденье рядом, панель магнитолы, переключился на нейтральную передачу, завелся, снялся с ручного тормоза, сцепление, посмотрел по сторонам, первая передача, газ, поехал.

Вот, дело сделал.

Хорошо.

Иннокентич нормальный дядька.

Правильно все.

Хорошо, нормально.

Вообще, ничего.

Все фигня, прорвемся.

Женщина какая симпатичная была.

Ладно, все нормально.

Выехал опять на проспект Мира, поехал в сторону Центра.

Нет, не домой. Нет. Куда-нибудь. Куда-нибудь надо съездить, захватить куда-нибудь. Не домой. Домой потом. Куда-нибудь в Центр, куда-нибудь.

Наше радио транслирует песню, о которой нельзя сказать ничего определенного.

Надо купить гель для душа, дезодорант, зубную пасту. И картридж для фильтра для воды. И чего-нибудь поесть.

Проехал ВДНХ, проехал гигантское темно-серое здание типографии №2.

Пробка.

Что-то там, наверное, случилось, может, авария, огромная пробка.

Немного проехал, остановился.

Еще немного проехал, остановился.

Человек сидит в машине, а машина стоит в пробке. Проезжает небольшое расстояние и снова стоит. Машина стоит, а человек положил руки на руль, а голову на руки, потому что ему все-таки гру-

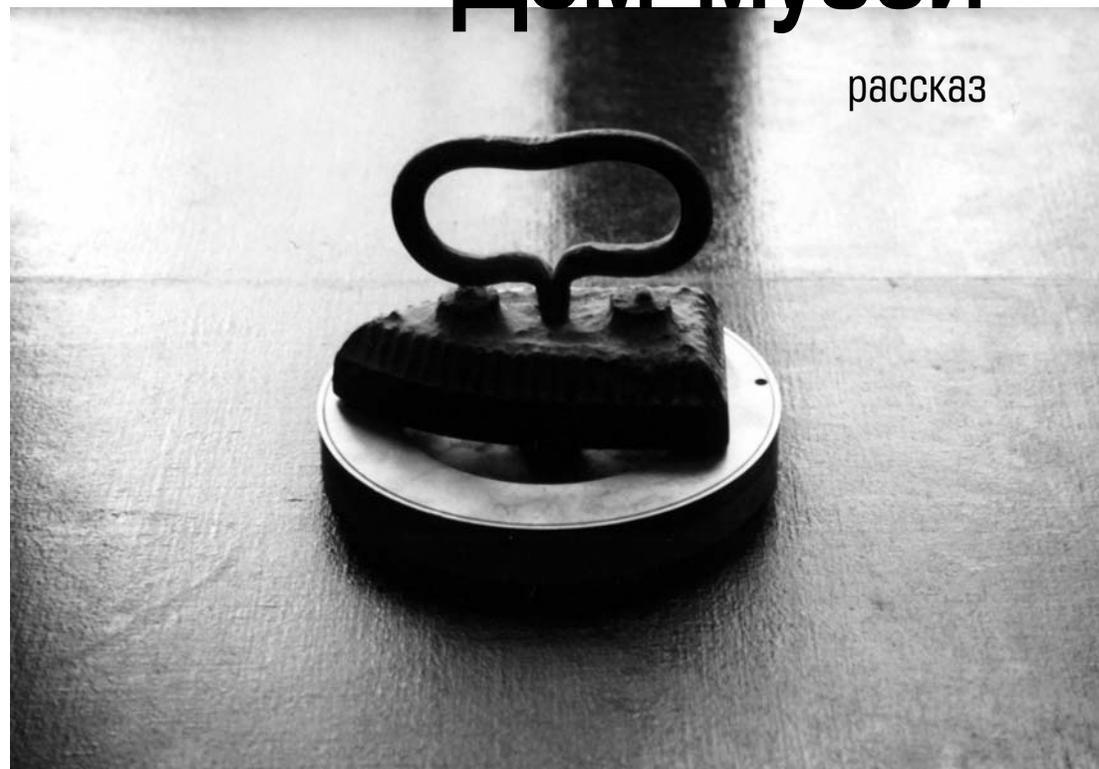
стно, хотя он и совершил некоторые полезные действия. Но ничего, он сейчас придумает что-нибудь, чтобы развеяться.

Мы довольно долго наблюдали за этим человеком, целый день или часть дня, и теперь пора прекратить наше наблюдение. Это было похоже на кино, а сейчас камера постепенно отъезжает назад и вверх, к монументу Покорителям Космоса, к метро ВДНХ, к Рабочему и Колхознице, к улице Бориса Галушкина, сверху все это так красиво, проспект Мира, заполненный автомобилями, зелень и белизна ВДНХ, голубое небо, дома, дома, на горизонте виднеется высотка, и вот уже маленькая красная машина ВАЗ-21093 вместе со своим водителем окончательно растворяется в море машин, медленно, рывками движущихся по проспекту Мира в сторону Центра.

2003

Дом-музей

рассказ

ЭЛЕКТРИЧКА ПРИЕХАЛА, электричка уехала. А Мелентьев остался здесь, в этом городе, не навсегда, конечно, а так, приехал ненадолго. Приехал, чтобы посетить Дом-музей.

Постоял немного на платформе, озираясь. С одной стороны железной дороги местность была довольно густо утыкана маленькими домиками, избушками даже, а с другой тоже виднелись домики, но побольше, каменные, там был собственно город. Мелентьев посмотрел расписание обратных электричек, отметил про себя, на каких ему было бы удобно уехать, и сразу забыл. Пошел в город.

Мысль о посещении Дома-музея русского композитора 2-й пол. XIX – нач. XX вв. Афанасия Тубова засела в мелентьевском мозгу уже давно. Он в некотором роде тоже чувствовал себя композитором. Невыносимо долгими вечерами и ночами в смрадном полуподвальном помещении Мелентьев вместе с несколькими едва знакомыми знакомыми создавал и пытался исполнять музыкальные произведения. Вечно лохматый, низенький человек по прозвищу «Сергей» извлекал звуки из полуразрушенной гитары, сонно-пьяный «барабанщик», тоже Сергей, но это было уже его настоящее имя, ударял руками и палками по гулким предметам, а Мелентьев, принимая мучительные позы, хрипел громкие, отрывистые, неумные песни.

А утром и днем Мелентьев работал то ли курьером, то ли менеджером – передвигал стулья, отвечал по телефону, договаривался о встречах.

Казалось, что надо бы побывать в Доме-музее композитора. Казалось, что а вдруг что-то интересное случится, какое-то новое впечатление, что-то может быть вообще изменится, все-таки это музыка, искусство и даже, как говорила одна учительница в школе, в которой когда-то учился Мелентьев, прекрасное. Еще тогда, в школе, всякий раз, услышав прилагательное «прекрасное» без каких-либо приставленных к нему существительных, Мелентьев начинал волноваться, ему хотелось спросить что прекрасное? что именно? вот понятно если там мороженое прекрасное или велосипедное колесо или ну не знаю солнце прекрасное, а просто прекрасное это что? Что, что прекрасное, что? И школьник Мелентьев сильно волновался, сильное беспокойство ощущал от этого прекрасного неизвестно чего и обычно плакал и в общем ужас, врача вызывали, а он все что прекрасное, а? что прекрасное-то? Очень чувствительный у вас мальчик, вы его как-нибудь пронаблюдайте, может в санаторий какой-нибудь его или вот есть психиатрические лечебницы, а то заниматься эстетическим воспитанием в классе просто невозможно, вы уж как-то разберитесь. Потом прошло. Другие прилагательные, существительные и глаголы Мелентьева не беспокоили. Только прекрасное прилагательное прекрасное вызывало иногда смутную тревогу, и хотелось поехать в Дом-музей. И вот, поехал.

Сошел с платформы и оказался на большом бесформенном участке земли, покрытом асфальтом. По краям участок был уставлен какими-то смутными предметами – то ли киосками-ларьками, то ли выглядывающими из-за деревьев стенами домов. Получалась какая-то что ли площадь. Да, да, именно площадь. Привокзальная площадь. От площади отходили три улицы: две вправо и влево, вдоль железной дороги, собственно, у этих двух улиц было одно название – Вокзальная улица, а еще одна улица – Московская – перпендикулярно железной дороге. По Московской улице можно было выйти-выехать на большую дорогу, так называемое шоссе, а уже по этой дороге – дальше, дальше, к Москве, на что и указывало название улицы. Московская – потому что ведет в Москву.

Посреди площади стоял небольшой автобус, немного помятый, не потому, что он попал в аварии и бился своими бортами о твердые

предметы, а просто от времени, от постоянного, годами, трения о воздух, о человеческие взгляды и вздохи. На лобовом стекле табличка – 2 з-д ЖБИ. Немного поодаль располагался другой автобус, похожий, только какой-то грустный, с табличкой 1 микрорайон. Чуть впереди автобуса 2 з-д ЖБИ стояла крошечная толпа, ожидающая, судя по всему, возможности поехать на этом автобусе вглубь города, в сторону з-да ЖБИ. Скоро, совсем скоро, а может быть и через очень продолжительное время, совершится ритуал: шофер с путевым листом в руке подойдет к автобусу, откроет дверцу кабины, залезет в кабину, бросит путевой лист на кожух мотора, туда, где в беспорядке валяются билеты, мелкие деньги-сдача и его, шофера, пиджак или куртка, по-хозяйски поправит зеркала, потом выйдет, откроет мотор, покопается немного в моторе, опять залезет в кабину, поправит по-хозяйски зеркала, возьмет плохо пишущую шариковую ручку, отметит что-то в путевом листе, но ручка не будет писать, и он будет долго искать какую-нибудь бумажку, чтобы расписать ручку, найдет газету, будет с остервенением чиркать по ней ручкой, газета порвется, он отбросит газету, потянется рукой за пиджаком или курткой, из пиджака или куртки что-то наверное ценное выпадет и со звоном упадет куда-то вниз, куда-то между кабиной и салоном, и шофер будет это звенящее доставать и выронит и опять достанет и положит в карман пиджака или куртки, и из кармана куртки или пиджака вытащит сложенную в несколько раз бумажку, ручка наконец запишет, шофер отметит что-то в путевом листе, ох... По-хозяйски поправит зеркала. Включит зажигание. С всхрапом воткнет первую передачу. Автобус проедет несколько метров и не остановится у ожидающей толпы, а проедет чуть дальше, и люди, составляющие крошечную толпу, всей толпой устремятся к двери автобуса, поднимая с земли и роняя и опять поднимая свои тяжелые сумки, и шофер еще что-то отметит в путевом листе, и откроет дверь, люди заполнят собой пустое пространство салона и станут пассажирами, и кондукторша с сумкой, висящей между грудью и животом, начнет протискиваться по салону, брать деньги и отдавать билеты, автобус заложит крутой вираж по площади, и поездка состоится.

Мелентьеву не нужен был автобус. Он пошел пешком по Московской улице, к Дому-музею.

Московская улица страшно заросла деревьями. Деревья росли на тротуарах, заслоня собой сероватые четырех- и пятиэтажные дома, и еще более бурно они росли во дворах, между домами, в общем, везде, где только можно, росли деревья, это называлось «у нас очень зеленый город», «зеленые легкие города», «какой здесь воздух». Зелено-каменные джунгли. Серые куски домов сквозь заросли зеленых деревьев.

Справа сквозь деревья и железную ограду замелькал рынок. Чтобы попасть в Дом-музей, надо было пересечь рынок по диагонали – Мелентьев заранее подготовился, все узнал у знающих людей, и теперь знал, куда ему идти. Пошел через рынок. Народу мало, почти никого. Мелентьев шел вдоль рядов и не понимал, как эти ничего не делающие, неподвижно сидящие торговцы получают прибыль, ведь не покупают же. Но это только так казалось Мелентьеву, на самом деле покупали – вон сухонькая бабулька приценивается к дешевому швейному изделию из ситца, а вон там не очень богатый, наверное, мужичок хочет купить у коммерчески радушного азербайджанца левый ботинок, у меня, понимаете, левый порвался, а правый ничего, нормально, а мне куда два-то, слушай, бери пару, смотри какие, прошивка вот, смотри натуральная кожа, за четыреста брал клянусь за четыреста пятьдесят отдам, бери, ты здесь таких не найдешь, только у меня клянусь, прошивка кожа смотри ладно четыреста, а можно только левый, а? Мне левый надо, левый. Левый. Так что прибыль была.

Кончился рынок, промелькнули две неприметные улочки, тоже сильно заросшие деревьями и уставленные сероватыми домами, и вот – Дом-музей, двухэтажный, деревянно-трогательный, как и большинство домов-музеев. Наверное, еще на стадии проектирования неведомый архитектор сер. XIX в. смутно предчувствовал, что из его творения со временем получится Дом-музей, и придал ему приличествующее пасторально-сентиментально-умильное выражение.

Мелентьев остановился, отдышался. Подтянул штаны, попытался заправить рубашку, которая от долгой ходьбы образовала там, под штанами, подобие жгута, и ему даже пришлось отвернуться к глухому серому забору, расстегнуть штаны и расправить рубашечный жгут. Жительница города, проходившая мимо, высказалась в том ду-

хе, что, мол, как не стыдно, подумала, наверное, что Мелентьев собирается мочиться у забора или уже помочился, но он вовсе не собирался мочиться, а просто хотел потщательнее заправить рубашку, и заправил. И заодно, раз уж так получилось и чтобы соответствовать ожиданиям проходящей мимо жительницы, помочился. И вошел в Дом-музей.

За столом – бабулька.

– Вы на экскурсию?

К бабулькиной одежде в области груди была приколата маленькая табличка (такие иногда называют «бэйджик»). На табличке написано Катя. Казалось, более естественно и уместно смотрелось бы Екатерина, например, Игоревна или может быть Федоровна, или Екатерина с какой-нибудь фамилией, или хоть Баба (бабушка?) Катя, но – Катя. Просто. Хотя так бывает, в некоторых странах, скажем, в Сербии, людей иногда так называют – Саша, например, и человека так и зовут – Саша Обрадович, и в Армении тоже так бывает – Миша Аветисян, так что вполне возможно это просто полное имя такое – Катя, да и отчество не всегда бывает у человека, не у всех народов принято отчество, и без фамилии иногда обходятся некоторые, и вовсе необязательно она бабушка, может быть, внуков-то у нее и нет, и какая же она тогда бабушка, просто бабулька, а ведь такое не напишешь на бэйджике.

– Да.

– Билетик, пожалуйста, пять рублей. Вы не студент? Может быть, инвалид или ветеран сражений? Для таких категорий у нас скидки, льготы, и билет обойдется вам всего в четыре рубля. А может быть, вы сотрудник правоохранительных органов, тогда мы вам бесплатно экскурсию проведем, для сотрудников правоохранительных органов у нас бесплатно, они любят к нам ходить.

На деревянной лестнице, ведущей на второй этаж, появилась еще одна женщина, помоложе бабульки, со следами культурной восторженности на лице. На ее бэйджике было написано Нелли Петровна.

– Нет.

Мелентьев отдал бабулке пять рублей, бабулька отдала Мелентьеву билет. Мелентьев заметил, что на билете сверху написано администрация ... района отдел культуры.

– Неличка, к нам посетитель. На экскурсию.

То, что совершила Нелли Петровна, услышав слова бабушки, в литературе обычно обозначается словосочетанием «всплеснула руками», но на самом деле никакими руками она не всплескивала, а как-то судорожно скривилась, дернулась лицом и немного даже подпрыгнула всем своим телом.

– Ой, Катенька! Господи! Посетители прям повалили. Не зря мы все-таки, не зря. Вон третьего дня старичок приезжал, из Комсомольска-на-Амуре. А теперь вот вы, молодой человек, хорошо, что вы к нам сюда...

Откуда-то сбоку, ковыляя, появилась подчеркнуто старая бабка.

– Поговори мне еще, курва. Развели тут, стыдно смотреть. Доберусь еще до вас...

Бабка повесила рваную мокрую тряпку на веревку, протянутую вдоль стены, и укувыляла обратно, за еле различимую дверь.

– Вы не обращайтесь внимания, это Софья Арнольдовна, она тут живет, ее еще в войну сюда подселили, когда еще Дома-музея здесь не было, и она с тех пор живет, но ничего, она нам не помешает.

Неприметная дверь слегка приоткрылась.

– Ты у меня сейчас поговоришь. Посетителям твоим ноги-то повыдергаю. Прошмандовка.

Нелли Петровна умилилась.

– Она, в сущности, замечательный человек, очень много для музея сделала. Просто другой жилплощади район не выделяет, вот и живет она тут. Старенькая уже. Бедная. Ничего, в тесноте да не в обиде. Ну, что же мы стоим здесь, пойдемте наверх, начнем экскурсию.

Нелли Петровна и Мелентьев поднялись по деревянной лестнице на второй этаж, прошли по темноватому коридору. Пахло деревом и необитаемостью. Вошли в какое-то помещение.

– Это кабинет Афанасия Валериановича, здесь он творил. Именно отсюда начинаются все наши экскурсии.

Нелли Петровна привычно запела свой ритуальный информационно-биографический гимн в честь Афанасия Тубова, слегка приотпывая ногой в такт. Мелентьев озирался.

... Афанасий Валерианович родился... озорной, живой мальчик... с детства любил петь... пел в церковном хоре... с крестьянски-

ми детьми... мать читала ему... отец воспитал в нем... всей семьей, за столом, при свете зеленой лампы...

Кабинет был какой-то пустоватый. На стенах – блеклые, в цветочек обои. В углу – стол, старый, с бордюриком на столбиках по периметру с трех сторон, за такими столами любили сиживать и пописывать что-нибудь эдакое творческие люди XIX – нач. XX вв.

... студенческая юность... участвовал в студенческих волнениях, волновался, был отчислен... все яркое, молодое, талантливое последовало... окончил, получил диплом химика...

– Он что, химик был? Он же композитор?

– Да, он получил диплом химика, но вы же понимаете, есть профессия, а есть призвание, со временем творческая составляющая этой могучей природы взяла свое...

– А чего он сразу на композитора не учился, в консерватории там или в гнесинке, где они там учатся?..

– Он не сразу осознал в себе творческое начало, был период исканий...

У окна, на тумбе, покрытой куском чистой белой ткани, стоял небольшой черный синтезатор с белой надписью Yamaha и многочисленными разноцветными ручкачками и кнопками. Богатые (относительно) родители частенько дарят такие приборы своим детям, чтобы они неумело наигрывали на них нелепые мотивчики.

... преподавал в гимназии, в университете... сблизился с кружком прогрессивно мыслящей интеллигенции...

– А он что, на синтезаторе играл?

– Ну что вы, нет, конечно. Это нам губернатор области подарил, приезжал в прошлом году и преподнес в дар музею. Дело в том, что пианино, за которым сочинял Афанасий Валерианович, было утрачено в войну. Было очень трудно, Софья Арнольдовна нам рассказывала, как они тут в войну выживали, и его просто пришлось пустить на дрова, ну а что делать, это жизнь, надо было выжить, на несколько дней им хватило, топили печки. Софья Арнольдовна – интеллигентнейший человек, настоящая подвижница... А этот инструмент, он просто чтобы обозначить музыкальный дух этого места, воссоздать творческую атмосферу...

... его соратниками и близкими друзьями на многие годы стали математик Охов, музыковед Ахьявьев, пианист Дупов... жаркие споры, оживленное обсуждение новых книг, спектаклей... засиживались за полночь, за чаем, бокалом вина...

– Много пили-то?

– Что, простите?

– Пили, наверное, много, да? Богема, артисты. Бабы там...

– Какие бабы? Вы о чем?

– Ну, я это... ну, пили, говорю, наверное, много...

– Афанасий Валерианович был человеком дворянского воспитания, настоящий российский интеллигент... моральные принципы... конечно, за обедом... вся семья собиралась за столом... отец воспитал в своих детях... бокал хорошего вина... творческая атмосфера... беседы, дискуссии... встречи единомышленников... бокал хорошего вина...

Мелентьев слонялся по кабинету. Кроме стола, стула рядом со столом и синтезатора, в кабинете ничего не было. Мелентьев припелся к столу.

... первое исполнение его «Павлодарской симфонии» было восторженно встречено прогрессивно мыслящей интеллигенцией... нападки реакционной критики... тяжело переживал... не давали возможности исполнять... глубоко народные образы... влияние фольклора... песни крестьян, которые слышал в детстве...

На столе лежала нетолстая стопка нотной бумаги. На верхнем листе виднелись нанесенные шариковой ручкой противного фиолетового цвета беспорядочные каракули, несколько рисунков и надписи – в основном, разнокалиберные гениталии, их текстовые обозначения, а также слова и цифры фролов магнитка 2002.

... их связывало глубокое чувство... отношения не просто супругов, но соратников, сотрудников в общей работе... ее семья... его родители... по-отечески привязался... переписывала ноты... была первым слушателем, любящим, но взыскательным...

– А это что, это кто так? Это его ноты, что ли?

Взял верхний листок, показал.

– Ой, не трогайте, пожалуйста, все-таки, музейный экспонат. А это к нам недавно школьники из Магнитогорска приезжали, замечательные, пытливые ребята, слушали, затаив дыхание, засыпали меня

вопросами, хорошее поколение подрастает, я, знаете, даже почувствовала – не пропадет наша культура, если у нас есть такие мальчишки.

Мелентьев положил лист на место.

– Этот стол, это чудо, что нам удалось сохранить этот стол, это именно тот стол, за которым работал Афанасий Валерианович. Кажется, что стол еще хранит тепло его рук...

За окном посерело и пошел дождь.

... восторженно принял революцию... некоторое время служил телеграфистом на станции... очень помог Луначарский, и дело ограничилось высылкой... организовал первую в Восточной Сибири музыкальную школу... с воодушевлением принялся за работу... были созданы симфония «Страна встает» и сборник песен для рабочих хоровых коллективов «Эх, завод»... вернулся в Москву... плодотворный период в работе зрелого мастера...

Мелентьев заинтересовался стулом, стоящим около стола и даже слегка присел на него. Стул был явно не старинный, на колесиках, с регулируемой спинкой и удобными подлокотниками.

– Афанасий Валерианович Тубов скончался второго июня тысяча девятьсот сорок четвертого года.

– Умер?

– В Ташкенте, в эвакуации.

– А от чего?

– Он был уже пожилым человеком, его здоровье было подорвано ссылкой, болезнями...

– Это понятно, а умер-то он от чего?

– Ну... от старости. Я, к стыду своему, не знаю точно, каково было состояние здоровья Афанасия Валериановича перед кончиной... Он умер на руках у своей супруги...

– А она потом что?

– Э-э... Что вы имеете в виду?

– Ну, он умер, а она потом как?

– Она ненадолго пережила своего великого мужа. Через несколько месяцев супруга Афанасия Валериановича скончалась.

Мелентьев на некоторое время уставился в окно. Шел дождь, густо растущие вокруг Дома-музея зеленые деревья с усилием мота-

лись на ветру туда-сюда. На первом этаже что-то загремело, как будто разбилась посуда, и даже не сама разбилась, а при помощи людей, которые ее специально разбили. И еще раз загремело.

– Софья Арнольдовна, – с теплотой в голосе сказала Нелли Петровна. – Дай Бог всем молодым столько энергии, задора, сколько у нее в ее-то годы...

– А он что, прямо вот за этим столом свою музыку писал?

– Нет, конечно. Он писал музыку, сидя за фортепьяно. Я, помните, говорила про пианино, которое, к сожалению, было утрачено в войну. На любом пианино есть такая подставочка для нот, и вот на этой подставочке стояла нотная бумага, и Афанасий Валерианович писал на ней произведения, делал наброски.

– Так а как же тогда, вы же говорили, что он за столом вот за этим вот работал, а вы теперь говорите, за пианино.

– За столом он писал статьи, письма, он вел обширную переписку, которая, к сожалению, сохранилась лишь частично. Непоправимая утрата – переписка Афанасия Валериановича с Ахьявьевым. Пачка писем, которая многие годы хранилась вот в этом столе, тоже, как и пианино, пропала в войну. Как раз Софья Арнольдовна недавно вспоминала...

– Тоже на растопку пошло?

– Да, конечно, а что было делать этим людям? Слава Богу, стол уцелел. Стояли лютые морозы... Афанасий Валерианович был очень духовно близок с Ахьявьевым... дружба двух талантливых людей... большая книга, написанная им... этот журнал был средоточием музыковедческой мысли того времени... Ахьявьев тоже был музыковед...

– В смысле – тоже? Кто еще-то был музыковедом? Вы говорили, там какой-то математик еще был...

– Разве я не рассказывала? Бруни, Изяслав Бруни, один из крупнейших музыковедов своего времени... возглавлял школу... прогрессивное направление... монография вышла в Италии... он часто бывал здесь... жаркие споры, обсуждения, разговоры заполночь... его ученик Ахметзянов стал основателем...

Мелентьев присел на корточки и, стараясь, чтобы это было не очень заметно, слегка обхватил голову руками.

– Вам плохо? Что случилось? Здесь, конечно, немного душно...

Мелентьев встал и уперся взглядом в унылые обои в цветочек.

– Да нет, ничего, это я так. Что-то вот... А у вас тут еще комнаты есть? Где он тут жил, спал?

– Есть еще только спальня, пойдемте я вам покажу.

Опять вышли в деревянно пахнущий коридор, вошли в соседнюю комнату. У стены стояла железная кровать с голой панцирной сеткой. Под кроватью стоял ночной горшок. Больше в комнате ничего не было.

– Видите, у нас тут практически ничего не сохранилось. Зато кровать подлинная, на ней в первые годы после революции спал Афанасий Валерианович, его, как тогда говорили, уплотнили, оставили ему только эту комнату, и вот на этой кровати он спал.

– А в остальные комнаты кого поселили?

– Ну, знаете, как в то время было – рабочие с механического завода, тут у нас рядом, ткачихи, несколько человек, жили. Сейчас уже точно не известно. Вот Софья Арнольдовна еще до войны въехала. Потом, когда был образован Дом-музей, всех расселили, только Софья Арнольдовна осталась.

– А горшок тоже тот еще, с тех времен, когда его уплотнили?

– Да нет, что вы, это мы лет десять назад комнату постояльцам сдавали, тогда, сами знаете, время было тяжелое, властям не до культуры было, никакого финансирования, зарплату нам совсем не платили. Это сейчас к нам губернаторы приезжают. А раньше совсем по-другому было. А горшок так и остался. Убрать бы его, конечно, надо.

Стало совсем темно, Нелли Петровна включила свет (загорелась голая лампочка под потолком), хотя смотреть было совершенно не на что, только дощатый пол, обои даже не в цветочек, а вообще непонятно во что, неопределенно светлый потолок, железная кровать со страшными железными шпешечками и голой панцирной сеткой и железный горшок для мочи, так что можно было и не зажигать свет и стоять в осенней темноте, стоять молча, долго, бессмысленно, бесконечно.

– Ну вот и все. Есть еще комнаты, но там у нас фонды, реконструкция. Спасибо вам, что пришли, послушали.

– Да не за что.

– Ну, тогда пойдёмте вниз. Хотите чаю? На дорожку, а?

Свет погас, прошли по коридору, спустились по лестнице. Бабулька Катя сидела там же, за столиком. Софья Арнольдовна стояла, согнувшись и при этом подбоченясь, с тряпкой, которую она сняла с веревки, натянутой вдоль стены.

– Ну что, поганец, насмотрелся? Ознакомился с экспозицией?

Софья Арнольдовна неожиданно могуче размахнулась и захлала Мелентьеву тряпкой по морде. Тряпка была мокрая и пахла половой тряпкой, и у Мелентьева на лице осталось множество мельчайших и относительно крупных частиц мусора и волосинок.

Мелентьев сел на стул. Нелли Петровна: а давайте все-таки чайку? Смотрите, дождь, холодно. Надо на дорожку согреться. Софья Арнольдовна села на стул.

– Молодой человек, вы уж на меня не сердитесь, это я так. Такой уж характер. Поздно уже меняться-то. А вы, я вижу, человек порядочный. Я очень рада, что сюда приходят такие молодые люди, как вы. Не сердитесь, голубчик. Дома умоетесь, ничего. Не обижайтесь на старуху.

Бабулька Катя, казалось, уснула. Нелли Петровна стояла. Перед сидящим Мелентьевым стоял стол, и Мелентьев облокотился на стол и положил голову на свои руки. Приехал в этот зелено-серый город, приперся в музей, отдал пять рублей, получил исчерпывающую информацию об Афанасии Валериановиче Тубове и тряпкой по морде; дождь, осенний темный вечер, идти по темным улицам среди мокрых недобро блестящих деревьев, через черно-пустой рынок, ждать электричку на продуваемой ветром платформе, нестись с грохотом и воем в светлом вагоне среди темноты, глядя в отражение в стекле...

Мелентьев поднял голову и запел. Ой в степи... мороз... ой да ямщики... Сначала потихоньку, потом постепенно распелся. Ой да не вечер... есаул в степи глухой... к Байкалу подходит казак молодой... Лодку берет и на полном скаку... Нелли Петровна присела на ступеньку деревянной лестницы. Софья Арнольдовна уронила голову на грудь. Во чужу деревню... в семью несогласну...

Впечатления дня и всей жизни мутно смешались внутри у Мелентьева, и разные слышанные им песни о просторе, бессмысленности

и тоске тоже смешались, и Мелентьев, трясая головой и дико, по-кликушески раскачиваясь из стороны в сторону, пел и пел автоматическую смешанную песню о бесконечных степях и полустанках, о конях, на полном скаку со всего маху ударяющихся о земную поверхность, о пулях, со свистом втыкающихся в непрочные человеческие и конские тела, о наших атаманах, бесстрашно форсирующих Байкал, о работниках почтового ведомства, погибающих от переохлаждения, о черных шапках и хитроватых, себе на уме есаулах, с необыкновенной легкостью предсказывающих будущее.

Софья Арнольдовна то и дело прикладывала к глазам свою тряпку. Бабулька Катя проснулась и никак не могла понять, что происходит.

... черну шапку... головы... вороной.

Мелентьев покашлял. Мелентьев встал и, немного пошатываясь, пошел к входной двери. Мелентьев открыл дверь, вышел на улицу и побрел к станции.

Бабулька Катя растерянно шарила по карманам в поисках чего-нибудь вроде платка, Софья Арнольдовна тихонечко подвывала, а Нелли Петровна все смотрела в темное окно, словно пыталась разглядеть в темноте бредущего к станции Мелентьева и шепотом повторяла: вот человек, вот человек... есаул... в поле... мороз.

2002

Содержание

Торжество продуктивного аутизма. <i>Данила Давдов</i>	5
Дом десять. <i>Повесть</i>	9
День или часть дня. <i>Рассказ</i>	43
Дом-музей. <i>Рассказ</i>	81

Дмитрий Данилов

Дом десять

Повесть. Рассказы

Дизайн и верстка:

Полина Борисова

Фото:

Дмитрий Данилов

Леонид Борисов (www.lborisov.ru)

Александр Краснов (http://art-photography.ru)

Подписано в печать . Формат 145 x 210.
Гарнитура Orpus. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Тираж 1500 экз.

Отпечатано с оригинал-макета в типографии